
ЭДУАРД СЕРОУСОВ
ГРАВИТАЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Эдуард Сероусов

Гравитационная дипломатия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73217998
SelfPub; 2026

Аннотация

Астрофизик Элиза Чэнь десять лет работала в одиночестве, пытаясь доказать невозможное: что гравитационные волны могут нести разумное послание. Когда её алгоритм наконец обнаруживает структуру в космическом шуме, она понимает – это не просто сигнал. Это приглашение. Но приглашение требует цены. Чтобы понять послание, нужно измениться – необратимо, навсегда. И пока правительства трёх сверхдержав охотятся за секретом, который может изменить человечество, Элиза должна решить: готова ли она стать мостом между мирами? И какую цену заплатит за право говорить от имени тех, кто ещё не готов слушать? Роман о первом контакте, который начинается не с прибытия кораблей, а с изменения тех, кто решился ответить.

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Часть I: Сигнал 4
Глава 1: Шум 4
Глава 2: Координаты 26
Глава 3: Миллиардер 43
Глава 4: Охотник 63
Глава 5: Карантин 81
Глава 6: Тень отца 101
Глава 7: Сдвиг 116
Глава 8: Первая экспозиция 133
Глава 9: Публикация 152
Глава 10: Соня 172
Глава 11: Орбитальное зрение 192
Часть II: Экспозиция 212
Глава 12: Охота: Отрицание 212
Конец ознакомительного фрагмента. 227

Эдуард Сероусов
Гравитационная дипломатия

Часть I: Сигнал

Глава 1: Шум

Обсерватория Атакама, Чили. День 0, ночь.

Ночь две тысячи восемьсот сорок седьмая ничем не отличалась от предыдущих двух тысяч восьмисот сорока шести.

Элиза Чэнь сидела перед шестью мониторами, и данные текли сквозь неё – бесконечный поток цифр, графиков, спектрограмм. Для любого другого человека это был бы хаос, белый шум вселенной, записанный на жёсткие диски. Для Элизы это были цвета.

Серые. Тусклые. Мёртвые.

Она потёрла глаза и взглянула на часы в углу центрального монитора. 03:17 по местному времени. За окном операционного центра – если это крохотное отверстие в бетонной стене можно было назвать окном – простиралась пустыня Атакама, самое сухое место на планете. Идеальное место

для того, чтобы слушать космос. Идеальное место для того, чтобы исчезнуть.

Кофеварка в углу зашипела, сигнализируя о готовности третьей за ночь порции. Элиза встала – колени хрустнули, напоминая о том, что ей давно не сорок два, а все сорок два с хвостиком, который становился всё длиннее – и побрела к кофеварке, не отрывая взгляда от мониторов.

Привычка. Восемь лет в этой бетонной коробке на высоте двух тысяч шестисот метров выработали целый набор привычек: не смотреть на звёзды слишком долго (начинала кружиться голова от осознания масштаба), не думать о том, что осталось внизу (там ничего не осталось), не проверять почту чаще раза в неделю (всё равно никто не писал).

И никогда, никогда не позволять себе надеяться.

Кофе был горьким и слишком крепким – именно таким, каким она его любила. Элиза вернулась к мониторам, обхватив кружку обеими руками, хотя в помещении было не холодно. Система климат-контроля поддерживала постоянные двадцать два градуса, оптимальную температуру для работы оборудования. Люди – опциональное дополнение.

На главном мониторе продолжал разворачиваться знакомый танец данных. Детекторы LIGO – два гигантских интерферометра в Луизиане и Вашингтоне, соединённые с обсерваторией выделенным спутниковым каналом – фиксировали каждое колебание пространства-времени. Каждый раз, когда где-то во Вселенной две нейтронные звезды сталкива-

лись, или чёрная дыра поглощала своего компаньона, или какой-нибудь далёкий катаклизм порождал рябь на ткани реальности – детекторы чувствовали это. Крохотные возмущения, измеряемые в долях диаметра протона.

Для Элизы это выглядело как цветовые волны, накатывающие на берег её восприятия. Всю жизнь она видела математику таким образом – переливающиеся поля, где каждое уравнение имело свой оттенок, каждая функция – свою текстуру. Синестезия, сказали врачи, когда ей было восемь. Редкая форма – математика-цвет. Ничего опасного, даже полезно для научной карьеры.

Они не сказали, что это сделает её изгоем.

Элиза отпила кофе и прогнала мысль. Не сейчас. Данные LIGO продолжали поступать – серые, серые, бесконечно серые волны. Космический фон, реликтовое излучение, отголоски далёких катастроф, слившиеся в однородный шум. Вселенная разговаривала сама с собой, и в этом разговоре не было места для людей.

На втором мониторе работала Rosetta.

Её детище. Её искупление. Её последняя надежда – хотя она никогда не произнесла бы этих слов вслух, даже наедине с собой.

Rosetta была нейросетью, но не такой, как другие. Большинство алгоритмов машинного обучения искали паттерны в данных – закономерности, повторения, сигнатуры известных явлений. Rosetta искала нечто иное. Она была обуче-

на на двух совершенно разных массивах данных: гравитационных волнах, записанных LIGO за последние девять лет, и данных фМРТ – сканах человеческого мозга в момент восприятия сложных структур.

Идея была проста и безумна одновременно. Если внеземной разум захочет общаться с нами, он не будет использовать радиоволны – слишком медленно, слишком локально, слишком легко заглушить. Гравитация же универсальна. Она проходит сквозь всё. Она не экранируется материей, не рассеивается в межзвёздной среде, не затухает в шуме. Цивилизация, способная модулировать гравитационные волны – скажем, путём координации движения массивных объектов – могла бы отправлять сообщения через всю Вселенную.

И если такое сообщение существовало – Rosetta должна была его найти. Не как набор цифр, не как математическую формулу, а как структуру, которую человеческий мозг способен воспринять. Паттерн, резонирующий с нашим способом понимания реальности.

Элиза помнила, как объясняла это на конференции в Женеве. Двенадцать лет назад, другая жизнь.

Зал был полон. Триста человек – астрофизики, космологи, инженеры SETI. Элите научного мира. Она стояла на сцене, слайды мерцали за её спиной, и верила, что меняет историю.

– Традиционный подход SETI основан на предположении, что внеземной разум использует для коммуникации электромагнитное излучение, – говорила она, и голос не дрожал, не тогда. – Радиоволны, лазерные импульсы, оптические сигналы. Но это антропоцентризм в чистом виде. Мы ищем то, что сами умеем делать.

Слайд сменился. Диаграмма шкалы Кардашёва – уровни развития цивилизаций.

– Цивилизация типа II, способная использовать энергию звезды, имеет совершенно другие возможности. Для неё перемещение астероидов – тривиальная инженерная задача. Координация орбит компактных объектов – вопрос времени и планирования. Такая цивилизация может использовать гравитационные волны как канал связи.

Шёпот в зале. Элиза продолжала, чувствуя, как внимание аудитории фокусируется на ней – колючее, выжидающее.

– Преимущества очевидны. Гравитационные волны не экранируются материей. Они распространяются со скоростью света. Орбитальная конфигурация, однажды созданная, сохраняется миллионы лет – это идеальный архив, читаемый любой цивилизацией с телескопами. А слияние компактных объектов – нейтронных звёзд, чёрных дыр – может служить для передачи срочных сообщений. Своего рода… космический телеграф.

Она показала математику. Расчёты были безупречны – это она знала точно. Годы работы, тысячи проверок, модели, ко-

торые сходились с наблюдаемыми данными.

– Я предлагаю создать систему обнаружения, основанную на новом принципе. Не искать конкретные сигналы – искать структуру. Паттерны, которые не могут возникнуть естественным путём. Гравитационную семантику.

Тишина.

Потом – смех.

Не громкий, не злой. Хуже: снисходительный. Тот сорт смеха, которым взрослые встречают рассуждения ребёнка о том, что луна сделана из сыра.

Михаил Корнев – тогда ещё не профессор, просто подающий надежды постдок с безупречной репутацией – поднял руку.

– Доктор Чэнь, вы предлагаете… что именно? Что некая цивилизация передвигает астероиды, чтобы… поговорить с нами?

– Не с нами конкретно. Это широковещательный канал. Архив. Любая цивилизация с достаточно развитыми инструментами…

– И какова, по-вашему, вероятность того, что подобные структуры существуют? – перебил Корнев. – Учитывая, что мы не наблюдаем никаких признаков…

– Мы не наблюдаем их потому, что не ищем, – Элиза почувствовала, как голос становится жёстче. – SETI семьдесят лет смотрит в небо через радиотелескопы. Результат? Ничего. Может быть, проблема не в отсутствии сигналов, а в том,

что мы смотрим не туда.

Шёпот усилился. Элиза видела лица – некоторые заинтересованные, большинство скептические, несколько откровенно враждебных.

– Это смелая гипотеза, – сказал модератор сессии, пожилой космолог из Кембриджа. – Но без эмпирических данных…

– Именно поэтому я предлагаю программу поиска. Используя данные LIGO, можно…

– Данные LIGO уже проанализированы, – снова Корнев, и в его голосе появились металлические нотки. – Тысячами специалистов. Никаких аномалий, указывающих на искусственное происхождение, не обнаружено.

– Они искали естественные явления. Слияния звёзд, коллапсы. Никто не искал семантику.

– Потому что её там нет.

Элиза сделала глубокий вдох.

– Вы не можете этого знать. Никто не может – пока не проведён соответствующий анализ.

– Доктор Чэнь, – модератор поднял руку, призывая к порядку. – Мы ценим… нестандартный подход. Но научная гипотеза должна быть фальсифицируемой. Как вы предлагаете проверить вашу теорию?

– Разработать алгоритм, способный отличать естественные паттерны от…

– От чего? – Корнев откинулся на спинку кресла. – От

сообщений инопланетян? На каком языке, позвольте спросить? С какой грамматикой?

Смех. Громче, чем прежде. Элиза чувствовала, как пол уходит из-под ног.

– На любом, – сказала она, и голос всё-таки дрогнул. – Язык не важен. Важна структура. Если что-то несёт информацию – это отличается от шума. Статистически. Математически. Мой алгоритм…

– Ваш алгоритм – это апофения, возведённая в научный метод, – отрезал Корнев. – Вы видите паттерны там, где их нет. И предлагаете потратить ресурсы научного сообщества на погоню за призраками.

Модератор посмотрел на часы.

– Благодарим вас за выступление, доктор Чэнь. Полагаю, дискуссию можно продолжить в кулуарах…

После сессии к ней подошёл только один человек. Виктор Озеров, её научный руководитель, человек, которому она доверяла больше всех на свете.

Он не сказал ни слова. Просто посмотрел – и отвернулся.

Элиза моргнула, возвращаясь в настоящее. Кофе остыл. На мониторах всё так же текли данные – серые, мёртвые, равнодушные.

Статья в Nature вышла через три месяца после конференции. «Гравитационная семантика: теоретические основы об-

наружения искусственных структур в данных гравитационно-волновых детекторов». Её приняли к публикации – редакторы посчитали работу достаточно провокационной, чтобы вызвать интерес.

Потом начались звонки.

Элиза так и не узнала, кто именно написал письмо в комиссию по этике. Анонимный источник, достоверная информация о фальсификации данных. Обвинение было абсурдным – она никогда ничего не фальсифицировала, не могла бы, даже если захотела. Но расследование длилось восемь месяцев. Её отстранили от преподавания. Грант заморозили. Коллеги перестали отвечать на письма.

Статью отозвали.

Не потому, что нашли ошибки – ошибок не было. Просто редакция решила, что «в свете возникших вопросов публикация не соответствует стандартам журнала». Политкорректный способ сказать: мы не хотим ассоциироваться с сумасшедшей.

Калтех предложил ей уйти по собственному желанию. Формально – из-за сокращения штата. Фактически – из-за того, что она стала токсичной. Никто не хотел работать с «той, которая ищет инопланетян в гравитационных волнах».

Элиза смотрела на мониторы и думала о том, как странно устроена память. Двенадцать лет прошло, а она до сих пор помнила каждое лицо в том зале. Каждый взгляд, каждую усмешку. И ночью, в три часа утра, на высоте двух с по-

ловиной километров над уровнем моря, посреди самой бесплодной пустыни на Земле – воспоминания кусались сильнее, чем когда-либо.

Телефон зазвонил на третью неделю после увольнения. Незнакомый номер, калифорнийский код.

– Доктор Чэнь? Маркус Вэйланд. Мы не знакомы, но я читал вашу статью. Ту, которую отозвали.

Она хотела повесить трубку. Наверняка очередной журналист, охотник за сенсациями, желающий написать о «скандале в научном мире».

– Я не даю интервью.

– Это не интервью. Это предложение. У меня есть обсерватория. Частная. В пустыне Атакама, Чили. И я ищу человека, который не боится искать то, что все остальные считают невозможным.

Она молчала.

– Я прочитал математику в вашей статье, – продолжал голос в трубке. – Я не физик, но у меня хорошие консультанты. Они говорят, что расчёты безупречны. Что единственная проблема – никто не хочет проверять.

– Проверять нечего. Нет данных, нет…

– У меня есть доступ к данным LIGO. Официальный. И оборудование, чтобы их анализировать. И, что важнее, у меня есть время. Сколько вам нужно?

Элиза закрыла глаза.

– Зачем вам это?

Долгая пауза.

– Моя жена умерла два года назад. Опухоль мозга. Глиобластома. Перед смертью она… видела вещи. Говорила о геометрии под реальностью. О структурах, которые мы не замечаем. Врачи считали это галлюцинациями. Я… не уверен.

Элиза сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев.

– Мистер Вэйланд, я не знаю, что видела ваша жена. Я не врач и не экстрасенс. Я физик, который верит в существование закономерностей, которые другие считают невозможными. Это всё.

– Этого достаточно. У меня есть деньги, обсерватория и жгучее желание узнать, права ли была Эвелин. У вас есть теория и алгоритм. Давайте проверим.

Она прилетела в Чили через месяц. И осталась.

Кружка опустела. Элиза поставила её на край стола и вернулась к данным.

Rosetta третьего поколения – текущая версия – работала уже четырнадцать месяцев без остановки. Кластер из двухсот сорока графических процессоров, охлаждаемый геотермальной системой, анализировал поток данных LIGO в реальном времени. Каждую секунду алгоритм сравнивал входящие сигналы с миллиардами паттернов – естественных и гипотетических, случайных и структурированных.

Каждую секунду результат был одинаковым: шум.

Элиза не жаловалась. Восемь лет она потратила на то, чтобы построить этот инструмент, и каждый отрицательный результат был результатом. Наука работает именно так – ты исключаешь невозможное, пока не останется что-то, что невозможно исключить. Даже если это займёт всю жизнь.

Даже если это не приведёт никуда.

Она открыла журнал событий – привычка, ставшая ритуалом. Rosetta логировала каждый интересный сигнал: слияния нейтронных звёзд, коллапсы чёрных дыр, странные всплески неизвестного происхождения. За последние сутки детекторы зафиксировали шестнадцать событий, достойных внимания. Элиза пробежала взглядом список:

GW-2024-1127-A: Слияние двойной системы нейтронных звёзд. Расстояние: 340 мегапарсек. Классификация: стандартная.

GW-2024-1127-B: Захват компаньона чёрной дырой. Расстояние: 1.2 гигапарсек. Классификация: стандартная.

И так далее. Шестнадцать событий, шестнадцать раз слово «стандартная». Вселенная продолжала свой жестокий танец, звёзды рождались и умирали, и в этом танце не было места посланиям.

Элиза потёрла виски. Головная боль подкрадывалась исподволь – следствие хронического недосыпа и слишком большого количества кофе. Она знала, что должна пойти спать. Жилой блок в двадцати метрах, узкая кровать, три ча-

са до рассвета. Тело требовало отдыха.

Но что-то удерживало её на месте.

Она не смогла бы объяснить что именно. Интуиция? Предчувствие? Глупости. Элиза не верила в предчувствия. Она верила в данные, алгоритмы и математику. В закономерности, которые можно измерить и проверить.

И всё же… что-то было не так.

Она вернулась к журналу событий. Просмотрела список ещё раз, медленнее. GW-2024-1127-A, GW-2024-1127-B, GW-2024-1127-C… Стандартные, все стандартные. Ничего необычного.

Кроме одного.

GW-2024-1127-K: Источник: M31 (Андромеда). Тип: слияние нейтронных звёзд. Расстояние: 2.537 мегапарсек. Классификация: ТРЕБУЕТ ПРОВЕРКИ.

Элиза нахмурилась. «Требует проверки» – редкий статус. Rosetta присваивала его событиям, которые не вписывались в стандартные категории, но и не казались достаточно аномальными, чтобы бить тревогу. За четырнадцать месяцев таких было… она проверила статистику… семнадцать. Все оказались ложными срабатываниями: артефакты обработки, наложение нескольких сигналов, ошибки калибровки.

Но Андромеда…

M31, ближайшая к нам крупная галактика. 2.5 миллиона световых лет. Сигнал шёл оттуда 2.5 миллиона лет, прежде чем достичь детекторов LIGO.

Элиза открыла детальный отчёт.

Экран заполнился данными: спектрограммы, временные ряды, частотный анализ. Для любого другого человека это был бы набор графиков. Для Элизы это были цвета – и впервые за очень долгое время цвета были не совсем серыми.

Не яркие, нет. Не те сияющие оттенки, которые она видела в снах, когда представляла, как выглядит настоящий сигнал. Просто… тени. Намёки. Как если бы кто-то провёл кистью по серому холсту, оставив едва заметный след.

Она увеличила масштаб. Сигнал от слияния нейтронных звёзд – типичный, классический паттерн, который физики называют «чирп»: нарастающая частота, резкий пик, затухание. Но здесь… здесь что-то было иначе.

Модуляция амплитуды.

Слишком регулярная для естественного явления. Слишком… структурированная.

Элиза почувствовала, как сердце ускоряет ритм. Нет, приказала она себе. Не торопись. Ты видела такое раньше – и каждый раз это оказывался артефакт.

Она запустила стандартный набор проверок. Калибровка детекторов? В норме. Наложение сигналов? Отсутствует. Ошибки обработки? Не обнаружены.

Сигнал был чистым.

Rosetta продолжала анализ в фоновом режиме, и Элиза наблюдала, как индикаторы на экране меняют цвет. Зелёный – норма. Жёлтый – требует внимания. Оранжевый – потен-

циальная аномалия.

Красный… красного она никогда не видела.

Индикатор «СТРУКТУРА» – один из ключевых параметров Rosetta – мигнул жёлтым.

Элиза задержала дыхание.

Алгоритм продолжал работать. Желтый свет пульсировал, словно сердцебиение. Секунда. Две. Три.

Потом он стал оранжевым.

– Нет, – прошептала Элиза, и собственный голос показался ей чужим в тишине операционного центра. – Нет, это… это ошибка.

Она потянулась к клавиатуре и запустила повторный анализ с нуля. Другой алгоритм, другие параметры. Rosetta заработала снова, перемалывая данные, сравнивая, классифицируя.

Результат появился через четыре минуты и сорок семь секунд.

АНАЛИЗ №2: СТРУКТУРА ПОДТВЕРЖДЕНА.

Элиза уставилась на экран. Пальцы дрожали – она заметила это только сейчас. Когда они начали дрожать? Неважно. Неважно.

Третий анализ. Четвёртый. Пятый – с ручной настройкой параметров, которую она использовала только в исключительных случаях.

Результат не менялся.

На экране, в центре спектрограммы, проступал паттерн.

Не случайный шум, не артефакт обработки. Структура. Что-то, чего не должно было быть в сигнале от естественного слияния нейтронных звёзд.

Элиза откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

За восемь лет работы она научилась не обманывать себя. Ложноположительные срабатывания – проклятие любого поиска аномалий. Чем сильнее хочешь найти что-то – тем легче увидеть это там, где его нет. Апофения, как сказал Корнев двенадцать лет назад. Паттерны в случайном шуме.

Но Rosetta была разработана именно для того, чтобы отличать настоящие паттерны от иллюзий. Три уровня фильтрации, семь независимых алгоритмов проверки, статистические тесты с порогом значимости в пять сигм. Если система говорила «структура» – это что-то значило.

Элиза открыла глаза и посмотрела на спектрограмму.

Паттерн был красивым. Не красивым в эстетическом смысле – красивым математически. Фрактальная спираль, разворачивающаяся в частотно-временном пространстве. Самоподобие на разных масштабах. Регулярность, слишком совершенная для хаоса.

И цвета.

Впервые за десять лет – после Женевы, после Калтеха, после всего – данные перед ней пели.

Не серые. Не мёртвые. Живые. Переливающиеся оттенками, которым она не могла подобрать названия: что-то между индиго и ультрафиолетом, между золотом и янтарём. Цвета,

которые существовали только в её голове, но от этого не становились менее реальными.

Элиза потянулась к клавиатуре и набрала команду финального анализа. Rosetta запустила главный протокол – тот, который она разрабатывала пять лет. Алгоритм, обученный на данных фМРТ, способный определить, является ли паттерн воспринимаемым человеческим мозгом.

Потому что это было ключом ко всему.

Если разумная жизнь где-то существовала и хотела общаться – она должна была учитывать особенности получателя. Не отправлять математические формулы, которые поймёт только машина. Не передавать бинарные коды, которые никто не сможет интерпретировать. Нет, послание должно было быть… человеческим. Резонировать с нашим способом восприятия. Активировать те же нейронные контуры, что активируются при восприятии языка, музыки, визуальных образов.

Именно это искала Rosetta.

Индикатор прогресса ползал по экрану: 10%, 25%, 50%. Элиза не отводила глаз. В горле пересохло; она не помнила, когда в последний раз пила воду.

75%. 90%.

Экран мигнул.

АНАЛИЗ ЗАВЕРШЁН. ВЕРОЯТНОСТЬ СТРУКТУРЫ: 94.7%. КЛАССИФИКАЦИЯ: НЕИЗВЕСТНО.

Элиза смотрела на цифры. Девяносто четыре целых семь

десятых процента. Порог для подтверждённой аномалии – девяносто девять. Недостаточно, чтобы утверждать наверняка. Достаточно, чтобы…

Чтобы что?

Она не знала. Впервые за очень долгое время она не знала, что делать дальше.

На мониторе продолжал вращаться паттерн – фрактальная спираль, развернувшаяся из гравитационной волны. Цвета пульсировали, переливались, пели – тихо, на грани слышимости, но пели.

Элиза встала и подошла к окну. За стеклом – пустыня, тёмная и бесконечная. Над ней – звёзды, яркие, как нигде на Земле. Млечный Путь протянулся через небо сияющей рекой, и где-то там, на самом краю зрения, угадывалось туманное пятно Андромеды.

2.5 миллиона световых лет.

Сигнал шёл оттуда 2.5 миллиона лет, прежде чем достичь её мониторов. Когда он был отправлен – если он был отправлен – человечества не существовало. Homo erectus ещё бродили по африканским саваннам, не подозревая о судьбе, которая ждёт их потомков.

И всё же… кто-то отправил сообщение. Кто-то – или что-то – закодировало структуру в гравитационную волну и отпустило её в путешествие через космос. В надежде, что когда-нибудь, где-нибудь, кто-то будет слушать.

Или это была ошибка.

Артефакт обработки, который она пропустила. Наложение сигналов, которое создало иллюзию паттерна. Апофения, помноженная на восемь лет одиночества и отчаяния.

Элиза прижала ладонь к холодному стеклу.

– Пожалуйста, – прошептала она, обращаясь к звёздам. – Пожалуйста, пусть это будет правдой.

Звёзды молчали. Они всегда молчали.

Она вернулась к мониторам. Запустила ещё один анализ – последний на сегодня. Другой набор параметров, другой статистический тест.

Результат появился через восемнадцать минут.

ВЕРОЯТНОСТЬ СТРУКТУРЫ: 94.9%.

Элиза медленно выдохнула.

На часах было 04:47. За окном небо начинало светлеть – едва заметно, но она знала эти признаки. Рассвет придёт через час. Новый день, две тысячи восемьсот сорок восьмой в этой бетонной коробке на краю света.

Она должна была позвонить Вэйланду. Рассказать ему о находке. Обсудить следующие шаги.

Но не сейчас.

Сейчас она просто сидела перед мониторами и смотрела на паттерн, который не должен был существовать. На цвета, которые пели впервые за десять лет. На спираль, развернувшуюся из гравитационной волны, прилетевшей из другой галактики.

Два с половиной миллиона лет в пути. И вот – здесь. На

её экране. В её глазах.

Элиза Чэнь не верила в предчувствия.

Но в эту минуту, в предрассветной тишине обсерватории Атакама, она знала – с той кристальной ясностью, которая приходит только на границе между ночью и днём – что мир изменился.

Может быть, навсегда.

04:47

Глава 2: Координаты

Обсерватория Атакама, Чили. День 0-1, ночь → утро.

Девяносто четыре целых семь десятых процента.

Элиза смотрела на цифры, пока они не начали расплываться. Потом моргнула, потёрла глаза и посмотрела снова. Цифры не изменились. Индикатор «СТРУКТУРА» продолжал гореть оранжевым, бросая тёплые отблески на клавиатуру.

За окном небо из чёрного превратилось в тёмно-синее. Скоро рассвет. Она не спала уже… сколько? Двадцать часов? Двадцать пять? Неважно. Сон мог подождать. Сон мог подождать вечность.

Она вернулась к данным.

Rosetta продолжала анализ в фоновом режиме, и с каждой минутой картина становилась яснее. Паттерн в сигнале не был однородным – он состоял из отдельных блоков, разделённых чёткими границами. Как слова в предложении. Как абзацы в тексте.

Элиза запустила модуль сегментации. Алгоритм прошёлся по данным, выделяя участки с различными характеристиками. На экране появилась диаграмма: пять отдельных блоков, каждый со своей структурой, своим ритмом, своим цветом.

Для неё – цветом. Для машины – числами.

Блок первый был тёмно-синим, почти фиолетовым. Плотный, компактный, с высокой информационной насыщенностью. Rosetta классифицировала его как «числовой массив переменной размерности».

Элиза нахмурилась. Числовой массив – это могло быть что угодно. Координаты. Измерения. Коды. Бессмыслица.

Она запустила интерпретатор – модуль, который пытался сопоставить структуру данных с известными форматами. Астрономические каталоги, системы координат, единицы измерения. Тысячи вариантов, перебираемых за секунды.

Совпадение нашлось через сорок три секунды.

БЛОК 1: ГАЛАКТИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ. СИСТЕМА: ICRS (Международная небесная система отсчёта). ОБЪЕКТ: M31 (Галактика Андромеды). ТОЧНОСТЬ: ±0.0003 угловой секунды.

Элиза медленно выдохнула.

Координаты. Астрономические координаты, закодированные в гравитационной волне. Координаты Андромеды – той самой галактики, откуда пришёл сигнал. Это было… это было как подпись под письмом. «Отправлено отсюда».

Она перешла ко второму блоку.

Этот был зеленоватым, с металлическим отливом. Более простой по структуре – одномерный массив, последовательность чисел. Rosetta уже обработала его:

БЛОК 2: ВРЕМЕННАЯ МЕТКА. ФОРМАТ: Относитель-

ное время (от момента испускания сигнала до момента обнаружения). ЗНАЧЕНИЕ: 2.537 ± 0.003 миллиона лет.

Время, которое сигнал провёл в пути. Два с половиной миллиона лет – именно столько свету (и гравитационным волнам) нужно, чтобы добраться от Андромеды до Земли. Отправитель знал расстояние. Знал, сколько будет идти послание.

И отправил его всё равно.

Элиза почувствовала, как по спине пробежал холодок. Два с половиной миллиона лет назад. Homo erectus ещё не появился. Человечества не существовало даже в проекте. Кто бы ни отправил это сообщение – он не мог знать, что на Земле кто-то будет слушать.

Или мог?

Она открыла третий блок.

Золотистый, тёплый, с пульсирующими прожилками. Снова числовой массив, снова координаты:

БЛОК 3: ГАЛАКТИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ. СИСТЕМА: ICRS. ОБЪЕКТ: Солнечная система (Sol). ТОЧНОСТЬ: ±0.00001 угловой секунды.

Руки Элизы замерли над клавиатурой.

Координаты Солнечной системы. Наши координаты. В послании из Андромеды.

Это… это меняло всё.

Это не было широковещательным сигналом, отправленным в никуда в надежде, что кто-нибудь услышит. Это было

адресное сообщение. Кто-то 2.5 миллиона лет назад знал о существовании нашей звезды и целенаправленно указал на неё.

Элиза открыла четвёртый блок, уже зная, что увидит.

БЛОК 4: ПЛАНЕТАРНЫЕ КООРДИНАТЫ. СИСТЕМА: Гелиоцентрическая эклиптическая. ОБЪЕКТ: Земля (третья планета системы Sol). ТОЧНОСТЬ: ±0.001 угловой секунды.

Земля.

Они знали о Земле.

2.5 миллиона лет назад кто-то в галактике Андромеда знал о существовании маленькой планеты на расстоянии в 2.5 миллиона световых лет. Третья от звезды. Каменная. С водой и атмосферой. Знали – и отправили сообщение.

Элиза откинулась на спинку кресла. Сердце колотилось так громко, что, казалось, было слышно в тишине операционного центра.

Это было невозможно. Откуда? Как? Земля – крошечная точка, невидимая с такого расстояния даже для самых мощных телескопов. Единственный способ узнать о её существовании – прилететь сюда. Или получить информацию от кого-то, кто прилетал.

Или…

Она не знала. Не могла знать. Это выходило за пределы всего, что она умела объяснить.

Оставался пятый блок.

Элиза смотрела на него, не решаясь открыть. Краснова-

тый, почти багровый, с чёткими геометрическими границами. Самый короткий из всех, но самый плотный по структуре.

Она сделала глубокий вдох. Потом ещё один.

И нажала клавишу.

БЛОК 5: ПЛАНЕТАРНЫЕ КООРДИНАТЫ. СИСТЕМА: WGS-84 (Всемирная геодезическая система). ОБЪЕКТ: Точка на поверхности Земли. ШИРОТА: -24.6275° (±0.0001°) ДОЛГОТА: -70.4042° (±0.0001°) ВЫСОТА: 2635 м (±1 м)

Элиза уставилась на экран.

Широта. Долгота. Высота. С точностью до метра.

Она знала эти координаты. Она прожила в этой точке восемь лет.

Это были координаты обсерватории.

Несколько минут – или часов, она потеряла счёт времени – Элиза просто сидела, глядя на экран. Цифры горели перед ней: -24.6275, -70.4042, 2635. Её дом. Её тюрьма. Её убежище.

Её адрес в послании, отправленном 2.5 миллиона лет назад.

Это было невозможно.

Обсерватория построена восемь лет назад. Земная кора дрейфует, континенты смещаются. 2.5 миллиона лет назад этой точки в этих координатах не существовало – она нахо-

дилась в другом месте, на другой широте, возможно, под водой. Отправитель не мог знать, где будет стоять здание, которое ещё не построили.

Если только…

Элиза встала так резко, что кресло отлетело к стене. Она подошла к окну, прижала ладони к холодному стеклу. За окном пустыня медленно окрашивалась в серые предрассветные тона.

Если только отправитель не знал будущего.

Или – проще, логичнее, страшнее – если послание было не из прошлого.

Что, если координаты добавлены позже? Что, если основной сигнал действительно шёл 2.5 миллиона лет, но кто-то – здесь, в Солнечной системе, сейчас – модулировал его, добавил адресную часть? Ретранслятор. Маяк. Что-то, что ждало достаточно развитую цивилизацию и теперь направляло послание к ней.

К ней.

Элиза закрыла глаза.

Это было слишком. Слишком много для одной ночи, для одного мозга, для одного человека, сидящего в бетонной коробке на краю пустыни. Она чувствовала, как мысли разбегаются в разные стороны, как паника подкатывает к горлу.

Нет. Соберись.

Она вернулась к столу. Руки тряслись – мелкая дрожь, которую невозможно контролировать. Она сцепила пальцы в

замок и заставила себя дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Данные. Только данные. Остальное – потом.

Она запустила проверку временны́х меток. Rosetta фиксировала точное время поступления каждого фрагмента сигнала с наносекундной точностью. Если пятый блок был добавлен позже – локально, из Солнечной системы – это должно было отразиться в данных.

Анализ занял четырнадцать минут. Элиза провела их, глядя на экран и стараясь не думать.

РЕЗУЛЬТАТ: Все пять блоков являются частью единого сигнала. Временна́я когерентность подтверждена. Локальная модуляция исключена с вероятностью 99.97%.

Послание было целым. Отправлено 2.5 миллиона лет назад – всё вместе, включая координаты обсерватории, которой тогда не существовало.

Элиза рассмеялась – коротким, сухим смешком, больше похожим на всхлип.

Это было невозможно.

Это было здесь, на её экране, подтверждённое пятью независимыми анализами.

Она потянулась к телефону.

В Калифорнии было 3:47 ночи. Маркус Вэйланд ответил после первого гудка.

– Элиза. – Его голос был хриплым, надтреснутым. Боль,

поняла она. Он не спал из-за боли. – Что-то случилось?

Она открыла рот – и не смогла произнести ни слова. Как объяснить? С чего начать? «Я получила послание из Андромеды, и в нём мой адрес»? Это звучало безумно. Это было безумно.

– Элиза? Вы там?

– Да. – Голос вышел хриплым; она откашлялась. – Маркус, мне нужно… я должна вам кое-что показать.

Пауза.

– Rosetta что-то нашла?

– Да. – Она сглотнула. – Структуру. В сигнале из Андромеды.

Тишина. Длинная, звенящая.

– Расскажите, – сказал Вэйланд наконец. Голос изменился – стал острее, собраннее. Боль никуда не делась, но теперь за ней было что-то ещё.

Элиза начала говорить. Слова шли рвано, сбивчиво – она перескакивала с технических деталей на выводы и обратно, путалась в терминах, повторялась. Неважно. Вэйланд слушал молча, не перебивая.

Когда она дошла до пятого блока – до координат – он всё так же молчал. Она слышала в трубке его дыхание: медленное, контролируемое, как у человека, который привык справляться с болью.

– Повторите, – сказал он.

– Широта минус двадцать четыре целых шесть тысяч две-

сти семьдесят пять. Долгота минус семьдесят целых четыре тысячи ноль сорок два. Высота две тысячи шестьсот тридцать пять метров. – Элиза смотрела на цифры, горящие на экране. – Это здесь, Маркус. Это координаты обсерватории.

Снова молчание. Потом – звук, который мог быть смехом или кашлем.

– Вы проверили? Всё проверили?

– Пять раз. Разными методами. Сигнал целый, локальной модуляции нет. Временна́я когерентность подтверждена.

– Значит… – Вэйланд замолчал.

– Значит, кто-то 2.5 миллиона лет назад знал, что здесь будет стоять эта обсерватория. И что я буду в ней сидеть этой ночью. И что Rosetta будет достаточно умной, чтобы найти сигнал.

– Или, – голос Вэйланда стал тихим, почти мечтательным, – они знали, что отправлять сообщение имеет смысл только туда, где его смогут принять. И как-то… выбрали. Или создали условия.

Элиза не ответила. Эта мысль была слишком большой, слишком страшной, чтобы обдумывать её сейчас.

– Я вылетаю, – сказал Вэйланд.

– Что?

– Первым рейсом. Через… – пауза, видимо, он проверял расписание, – через четыре часа. Буду у вас к вечеру по местному.

– Маркус, вы… – она хотела сказать «больны», но остано-

вилась. Он знал это лучше неё.

– Элиза. – Его голос был спокойным и твёрдым. – Я ждал этого восемь лет. Эвелин… она говорила, что там что-то есть. За краем. Я не поверил ей тогда. Не смог поверить. – Пауза. – Теперь вы говорите, что нашли это «что-то». Вы правда думаете, что я останусь здесь?

Она не думала. Она бы сама не осталась.

– До вечера, – сказала она.

– До вечера. И, Элиза… – он помедлил, – никому больше. Пока. Ни слова.

– Я знаю.

Он отключился.

Элиза положила телефон на стол и уставилась на него, будто ожидая, что он зазвонит снова и кто-то скажет, что это всё шутка, ошибка, сбой в системе. Телефон молчал.

За окном небо из серого стало розовым.

Она должна была поспать. Тело требовало отдыха – тупая боль за глазами, тяжесть в конечностях, туман в голове. Но каждый раз, когда она закрывала глаза, перед ней вставали цифры: -24.6275, -70.4042, 2635. Координаты, которых не должно существовать. Послание, которое нарушало все законы причинности.

Вместо сна она вышла на крышу.

Обсерватория имела плоскую крышу – техническую пло-

щадку для обслуживания куполов. Элиза поднималась сюда редко; обычно незачем было. Но сейчас ей хотелось неба. Настоящего неба, не картинки на мониторе.

Рассвет над Атакамой был беззвучным пожаром. Горизонт полыхал оранжевым и алым, переходящим в нежно-розовый, потом в бледно-голубой. Солнце ещё не показалось, но его приближение чувствовалось – тепло на коже, свет в глазах.

Элиза стояла на краю крыши и смотрела на восток.

Где-то там, за горизонтом, за тысячами километров пустыни и океана, просыпался мир. Люди вставали, завтракали, ехали на работу. Дети шли в школу. Политики врали в телекамеры. Никто не знал. Никто не подозревал, что прошлой ночью всё изменилось.

Что изменилось?

Она задала себе этот вопрос и не смогла ответить.

Сигнал. Структура. Координаты. Пять блоков информации, закодированных в гравитационной волне. Это было… что? Приветствие? Предупреждение? Инструкция? Она не знала. Rosetta нашла паттерн, но не смогла его интерпретировать – только разбить на части, как ребёнок разбирает часы, не понимая, зачем нужны шестерёнки.

Но одно было ясно.

Это было адресовано ей.

Не человечеству вообще, не Земле как планете, не учёным как группе. Конкретно ей – Элизе Чэнь, сорока двух

лет, астрофизику с уничтоженной карьерой и странным даром видеть цвета там, где другие видят числа. Ей, сидящей в бетонной коробке на краю пустыни. Ей, которая восемь лет слушала тишину и дождалась.

Почему?

Солнце выглянуло из-за горизонта – ослепительный краешек, от которого заслезились глаза. Элиза не отвернулась. Смотрела на него, как смотрела на данные: с голодом, которого не могла утолить.

Почему я?

Этот вопрос преследовал её всю жизнь. Почему синестезия? Почему способность видеть математику как цвет? Почему теория, которую все считали безумной, а она – знала, просто знала, что верна? Почему изгнание, одиночество, восемь лет в пустыне?

Теперь к этим вопросам добавился новый.

Почему координаты обсерватории в послании, отправленном до появления человечества?

Элиза не верила в судьбу. Не верила в избранность, в высшее предназначение, в божественный промысел. Она верила в данные, в алгоритмы, в законы физики, которые работают одинаково в любой точке Вселенной.

Но данные говорили невозможное. И физика не могла это объяснить.

Может быть, сказала она себе, ты просто ещё не всё поняла. Может быть, есть объяснение – логичное, научное, не

требующее нарушения причинности. Может быть, ты интерпретируешь данные неправильно.

Но в глубине души она знала: нет. Данные были чистыми. Интерпретация – единственно возможной. Кто-то знал о ней заранее. Кто-то ждал. Кто-то – или что-то – в галактике за 2.5 миллиона световых лет от Земли отправило письмо по адресу, которого ещё не существовало.

И она его получила.

Солнце поднималось выше, заливая пустыню золотым светом. Тени укорачивались, воздух начинал дрожать от жара. Скоро станет невыносимо – днём Атакама не прощает тех, кто остаётся снаружи.

Элиза повернулась, чтобы уйти, и вдруг замерла.

Ощущение было странным – не физическим, скорее… интуитивным. Словно чей-то взгляд на затылке. Словно она стояла не одна на пустой крыше, а перед невидимой аудиторией, которая смотрела и ждала.

Она обернулась.

Никого. Только пустыня до горизонта, только небо, только слепящее солнце.

Но ощущение не уходило.

Где-то там, за небом, за звёздами, которые сейчас не видны из-за солнечного света, – где-то там была Андромеда. Туманное пятнышко, едва различимое невооружённым глазом. 2.5 миллиона световых лет.

Кто-то смотрел на неё оттуда.

Не буквально, конечно. Сигнал был отправлен давно – те, кто его создал, возможно, уже не существовали. Но само послание… оно было направлено. Адресовано. Точные координаты, точное время, точный получатель.

Они знали о ней. Кем бы они ни были.

И теперь она знала о них.

Элиза стояла на крыше обсерватории, залитой утренним светом, и впервые за десять лет чувствовала, что её видят. Не как изгоя, не как чудачку с безумными теориями. Как… собеседника. Как адресата письма, которое шло дольше, чем существует человеческий род.

Десять лет одиночества.

И вот – кто-то ответил.

Кто-то, кому было не всё равно.

Кто-то, кто ждал именно её.

Почему?

Она не знала. Пока не знала. Но собиралась выяснить.

Элиза бросила последний взгляд на небо – ослепительно-синее, безоблачное, бескрайнее – и спустилась вниз. У неё было несколько часов до прилёта Вэйланда. Несколько часов, чтобы проверить всё ещё раз. Убедиться, что она не ошиблась. Что данные реальны.

Что она не сходит с ума.

Дверь на крышу закрылась за ней с тихим щелчком. Операционный центр встретил её прохладой кондиционированного воздуха и мерцанием мониторов. Rosetta продолжала

работать – перемалывала данные, искала новые паттерны, строила модели.

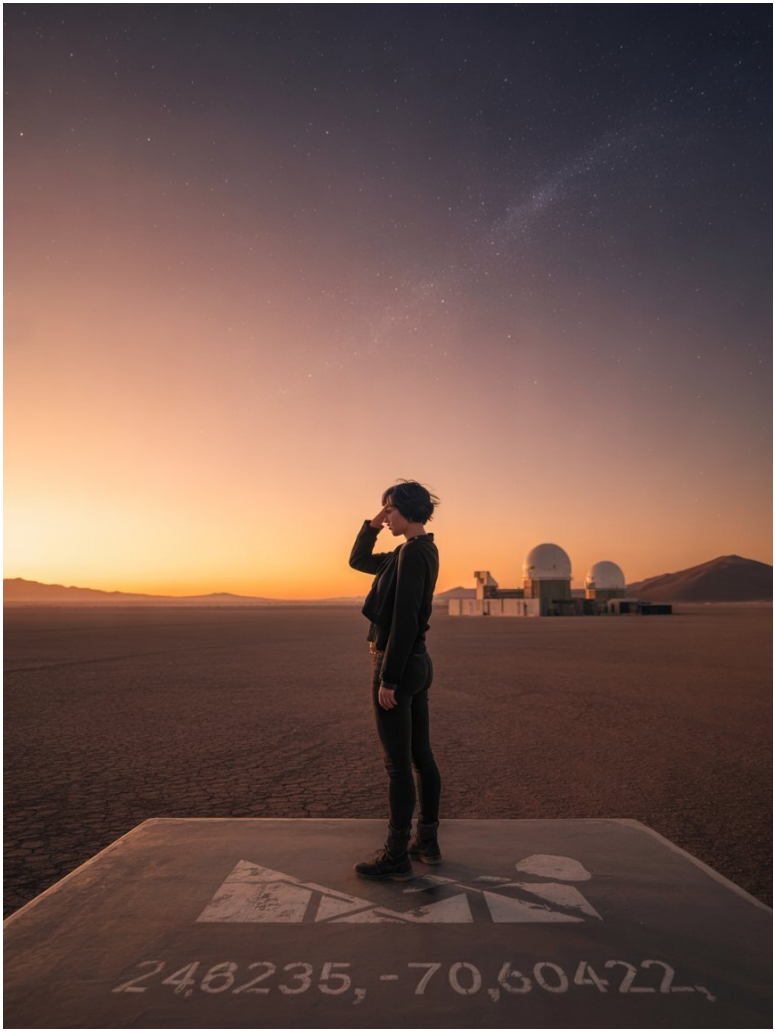
На главном экране всё так же горели координаты.

–24.6275°. -70.4042°. 2635 м.

Здесь. Сейчас. Она.

Элиза села в кресло и потянулась к клавиатуре.

Работа только начиналась.

24,8235, -70,60472

Глава 3: Миллиардер

Обсерватория Атакама, Чили. День 1, вечер.

Вертолёт появился на горизонте в семь тридцать вечера – тёмная точка на фоне закатного неба, быстро растущая в размерах. Элиза стояла на посадочной площадке, прикрывая глаза от пыли, поднятой винтами, и смотрела, как машина опускается.

Она не спала тридцать два часа. Тело ощущалось чужим – тяжёлым мешком, который приходилось таскать за собой. Глаза жгло, за висками пульсировала тупая боль. Но сон был невозможен. Каждый раз, когда она закрывала глаза, перед ней вставали спирали – те самые, из сигнала. Фрактальные узоры, переливающиеся цветами, которых не существовало в природе.

Вертолёт коснулся бетона. Винты замедлились, превращаясь из размытого круга в отдельные лопасти. Дверь открылась.

Маркус Вэйланд выбрался наружу, и Элиза почувствовала, как что-то сжимается в груди.

Она видела его в последний раз полгода назад – по видеосвязи, как обычно. Тогда он выглядел усталым, но крепким: широкие плечи, уверенная осанка, цепкий взгляд человека, привыкшего командовать. Теперь перед ней стоял кто-то другой.

Он похудел – не на пять и не на десять килограммов, а так, как худеют только от болезни. Кожа обтягивала скулы, делая лицо похожим на посмертную маску. Руки, когда-то крепкие, стали тонкими, почти старческими. Он двигался осторожно, словно боялся, что тело подведёт в любой момент.

Но глаза.

Глаза были живыми. Почти лихорадочно живыми – блестящими, жадными, как у голодного зверя, почуявшего добычу.

– Элиза. – Голос тоже изменился: стал глуше, с хрипотцой, которой раньше не было. – Рад вас видеть.

Она не знала, что ответить. «Вы ужасно выглядите» было бы честно, но жестоко. «Рада вас видеть» – лицемерием. Она выбрала третий вариант:

– Как долетели?

– Нормально. – Он медленно направился к зданию обсерватории. Элиза заметила, что он чуть припадает на левую ногу. – Турбулентность над Андами, но это мелочи. Покажите мне данные.

Не вопрос – приказ. Впрочем, она и не ожидала другого. Вэйланд не был из тех, кто тратит время на любезности.

Они вошли в операционный центр. Кондиционированный воздух показался Элизе почти холодным после вечерней жары снаружи. Мониторы мерцали в полумраке – она не включала верхний свет, предпочитая работать при свечении экранов.

Вэйланд остановился посреди комнаты, оглядываясь. Его взгляд скользнул по серверным стойкам, по кофеварке в углу, по окну с видом на пустыню. Потом сфокусировался на главном мониторе.

– Это оно?

Элиза кивнула и подошла к терминалу. Пальцы привычно пробежали по клавиатуре, вызывая на экран данные, которые она изучала последние сутки. Спектрограмма сигнала. Пять блоков. Координаты.

Вэйланд приблизился к монитору. Он двигался медленно, но взгляд был острым, сосредоточенным. Элиза видела, как он изучает данные – не как дилетант, пытающийся понять незнакомые символы, а как человек, который знает, на что смотреть.

Прошла минута. Две. Три.

Вэйланд молчал.

Потом он сделал нечто странное. Протянул руку и коснулся экрана – там, где вращалась фрактальная спираль. Его пальцы прошли сквозь изображение, не встретив ничего, кроме стекла. Но жест был таким… нежным. Почти благоговейным.

– Я это видел, – сказал он наконец. Голос был тихим, почти шёпотом. – Не так. Не в данных. Но похоже.

Элиза нахмурилась.

– Где?

Вэйланд не ответил сразу. Он продолжал смотреть на спи-

раль, и его лицо… изменилось. Жёсткие линии смягчились. Деловая маска, которую он носил как броню, дала трещину.

– Эвелин описывала, – сказал он. – Перед смертью. Она видела это.

Они сидели в комнате отдыха – единственном помещении обсерватории, где были нормальные стулья вместо офисных кресел. Вэйланд устроился в углу, вытянув ноги; Элиза заметила, как он морщится при каждом движении. Боль. Постоянная, фоновая, к которой невозможно привыкнуть.

Она принесла кофе. Он взял чашку обеими руками, но не пил – просто держал, словно грея пальцы.

– Расскажите, – сказала Элиза. Это был не вопрос. Она должна была знать.

Вэйланд смотрел в окно. За стеклом пустыня погружалась в сумерки – быстро, как бывает только близко к экватору. Через полчаса станет совсем темно.

– Мы были женаты двадцать три года, – начал он. Голос звучал ровно, почти монотонно. Так говорят о вещах, которые слишком больно помнить. – Эвелин была нейробиологом. Изучала изменённые состояния сознания. Медитация, психоделики, осознанные сновидения. Не мистику – науку. Она хотела понять, как мозг конструирует реальность.

Он замолчал. Отпил кофе – маленький глоток, как лекарство.

– Три года назад ей поставили диагноз. Глиобластома. Опухоль мозга. Стадия четвёртая.

Элиза знала, что это значит. Стадия четвёртая – приговор. Не вопрос «выживет ли», а «сколько осталось».

– Врачи давали год. Она прожила четырнадцать месяцев. – Вэйланд усмехнулся, но в усмешке не было веселья. – Эвелин всегда была упрямой.

Он снова замолчал. Элиза ждала. За окном последние лучи солнца окрасили горизонт в багровый.

– Последние два месяца… – Вэйланд запнулся. Сделал глубокий вдох. – Опухоль росла. Давила на зрительную кору, на теменную долю. Врачи говорили, что это вызовет галлюцинации. Нарушения восприятия. Они были правы – и не правы одновременно.

– Что она видела?

Вэйланд посмотрел на Элизу. В его глазах было что-то, чего она раньше не замечала. Тоска. Или надежда. Или и то, и другое.

– Сначала – просто странности. Она говорила, что предметы выглядят иначе. Что у всего есть… глубина, которой она раньше не замечала. Слои под поверхностью. Я думал – это опухоль. Распад мозга.

Он поставил чашку на стол. Руки дрожали – едва заметно, но Элиза видела.

– Потом она начала рисовать. Эвелин никогда не умела рисовать, у неё не было художественного таланта. Но за три

недели до смерти она исписала шесть блокнотов. Спирали, Элиза. Спирали и линии, и узоры, которые… – он замолчал, подбирая слова. – Которые выглядели как ваши данные. Как то, что вы мне только что показали.

Элиза почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– У вас сохранились эти рисунки?

– Все до единого. – Вэйланд кивнул. – Я привёз копии. Покажу позже. Но сначала… вы должны понять, что она говорила.

Он встал – медленно, опираясь на подлокотник. Подошёл к окну. Его силуэт чернел на фоне догорающего заката.

– Эвелин называла это «геометрией под реальностью». Она говорила, что мир, который мы видим, – это поверхность. Тонкая плёнка, за которой скрывается что-то другое. Структура. Связи между вещами, которые мы не замечаем, потому что наш мозг отфильтровывает их как шум.

Он обернулся к Элизе.

– Она говорила, что видит орбиты. Не планет – всего. Люди двигаются по орбитам, предметы, мысли. Всё связано, всё влияет друг на друга, как… как гравитация, только не физическая. Информационная.

Элиза молчала. Слова Вэйланда звучали как бред – и одновременно как нечто знакомое. Что-то, что она сама чувствовала, когда смотрела на данные слишком долго.

– Врачи объясняли это повреждением мозга, – продолжал Вэйланд. – Опухоль разрушала связи между областями коры.

То, что Эвелин видела, было результатом распада – случайные сигналы, которые мозг интерпретировал как паттерны. Апофения.

Он произнёс это слово с горечью. Элиза вздрогнула – она слишком хорошо его помнила. Женева. Корнев. Смех в зале.

– Но я сидел рядом с ней каждую ночь, – голос Вэйланда стал тише. – Я видел её лицо, когда она смотрела… куда-то. Не в пустоту. Она смотрела на что-то реальное. Что-то, что было там, даже если я не мог это увидеть.

Он снова сел – тяжело, как человек, у которого заканчиваются силы.

– Последняя ночь. Она почти не могла говорить. Опухоль давила на речевые центры. Но она собрала силы и сказала…

Вэйланд замолчал. Его лицо исказилось – не от боли физической, от другой.

– «Маркус, ты не представляешь, как красиво. Жаль, что ты не можешь видеть».

Тишина.

За окном зажглись первые звёзды.

– Она умерла через час, – закончил Вэйланд. Голос был пустым, выгоревшим. – Улыбаясь.

Элиза не знала, что сказать. Слова казались неуместными, слишком маленькими для того, что она только что услышала. Она встала, подошла к кофеварке, налила себе чашку – не

потому что хотела кофе, а чтобы занять руки.

– Поэтому вы финансировали обсерваторию, – сказала она наконец. Не вопрос – утверждение.

– Да.

– Не ради науки.

– Нет. – Вэйланд покачал головой. – Ради понимания. Я хотел знать, что она видела. Откуда это. Было ли это… настоящим.

Он посмотрел на Элизу. В его взгляде была странная смесь надежды и страха.

– Когда я прочитал вашу статью, ту, которую отозвали… вы писали о структурах в гравитационных волнах. О паттернах, которые можно обнаружить, если знать, что искать. Это было похоже на то, что описывала Эвелин. Не буквально, но… по духу. Она говорила о геометрии под реальностью. Вы – о грамматике в космическом шуме. Мне показалось, что вы ищете одно и то же.

Элиза вернулась к столу. Кофе был слишком горячим; она обожгла язык, но не обратила внимания.

– Я искала сигналы внеземного разума, – сказала она. – Не… не то, о чём вы говорите.

– А разве это не может быть одним и тем же?

Она открыла рот, чтобы возразить, – и остановилась.

Это было абсурдно. Галлюцинации умирающей женщины и гравитационные волны из Андромеды. Повреждённый мозг и астрофизика. Что между ними общего?

Но…

Координаты обсерватории в послании, отправленном 2.5 миллиона лет назад. Это тоже было абсурдно. Это тоже не укладывалось ни в какие рамки.

– Я не знаю, – сказала она честно. – Я не знаю, что нашла. Структура есть – это факт. Данные подтверждены. Но что она означает… – она покачала головой. – Это может быть что угодно. Естественное явление, которое мы не понимаем. Артефакт, который я пропустила. Или…

– Или послание.

– Да. Или послание.

Вэйланд наклонился вперёд. Его глаза блестели в свете мониторов.

– Покажите мне всё. Все данные, все анализы. Я хочу видеть.

Следующие три часа они провели перед мониторами.

Элиза показывала, объясняла, демонстрировала. Пять блоков данных. Координаты – Андромеда, Солнечная система, Земля, обсерватория. Временны́е метки. Статистические тесты. Результаты Rosetta.

Вэйланд слушал молча, иногда задавая вопросы – короткие, точные, по существу. Несмотря на болезнь, его разум оставался острым. Он схватывал суть быстро, не тратя время на ненужные уточнения.

Когда она закончила, он долго молчал. Смотрел на экран, где вращалась фрактальная спираль – визуализация паттерна, обнаруженного в сигнале.

– Это похоже на её рисунки, – сказал он наконец. – Не идентично, но… структура та же. Самоподобие. Спирали внутри спиралей.

Он достал из кармана телефон, провёл пальцем по экрану. Протянул Элизе.

На фотографии был блокнотный лист, исписанный карандашом. Спирали, линии, пересечения. Хаотичные на первый взгляд – и пугающе упорядоченные, если присмотреться.

Элиза увеличила изображение. Сравнила с тем, что было на мониторе.

Сходство было очевидным. Не копия – но та же грамматика. Те же принципы организации. Как если бы два человека описывали один и тот же объект на разных языках.

– Это… – она не договорила.

– Я знаю. – Вэйланд забрал телефон. – Невозможно. И всё же – вот оно.

Элиза потёрла виски. Голова раскалывалась – от усталости, от избытка информации, от невозможности уложить всё это в логичную картину.

– Допустим, – сказала она медленно, – допустим, это связано. Ваша жена видела что-то реальное, не галлюцинации. И я нашла то же самое в гравитационных волнах. Что это означает?

– Что мы не одни.

– Нет. – Элиза покачала головой. – Это слишком просто. Если бы речь шла просто об инопланетянах, отправивших сообщение… это я могла бы принять. Но координаты обсерватории, Маркус. Координаты места, которого не существовало 2.5 миллиона лет назад. И ваша жена, которая рисовала те же паттерны за неделю до того, как я их нашла. Это не «мы не одни». Это что-то другое.

– Что?

– Я не знаю, – повторила она. Эти слова давались ей тяжело – она привыкла знать, привыкла находить ответы. – И это меня пугает.

Вэйланд откинулся на спинку кресла. Его лицо было серым от усталости – или от боли, Элиза уже не могла различить.

– Мы должны опубликовать, – сказал он.

Она вздрогнула.

– Что?

– Данные. Анализ. Всё. – Он смотрел на неё с той же жёсткостью, что была в его голосе по телефону. Бизнесмен, привыкший принимать решения. – Мир должен знать.

– Маркус, мы не понимаем, что нашли.

– Именно поэтому нужно опубликовать. Пусть другие посмотрят. Другие умы, другие подходы.

– Или другие интерпретации. – Элиза встала, прошлась по комнате. Нервы звенели, как перетянутые струны. – Вы

помните, что случилось с моей статьёй? «Апофения». «Когнитивное искажение». Меня уничтожили за гораздо меньшее.

– Это было другое.

– Почему?

– Потому что у вас не было данных. – Вэйланд указал на экран. – Теперь они есть. Конкретные, измеримые, воспроизводимые. Любой может проверить.

– И любой может интерпретировать по-своему. – Элиза остановилась у окна. За стеклом была темнота – абсолютная, какой не бывает в городах. – Что, если это опасно? Что, если публикация вызовет панику? Или привлечёт внимание тех, кому лучше не знать?

– Кого вы имеете в виду?

– Правительства. Военные. Спецслужбы. – Она обернулась к нему. – Вы думаете, они позволят частной обсерватории контролировать первый контакт с внеземным разумом? Если это станет публичным – они отберут всё. Данные, оборудование, меня.

Вэйланд молчал.

– Я не параноик, – продолжала Элиза. – Я реалист. Восемь лет в изоляции научили меня кое-чему. Мир не готов к этому. Не готов к тому, что мы не одни. Не готов к тому, что кто-то знал о нас миллионы лет назад. Если мы опубликуем сейчас, без понимания, без контекста… это может разрушить всё.

– А если мы не опубликуем?

Она не ответила.

– Элиза. – Голос Вэйланда стал мягче. – Я понимаю ваши страхи. Но подумайте вот о чём. Вы нашли это. Вы, одна, в пустыне, на оборудовании, которое финансирую я. Что, если завтра я умру? Что, если с вами что-то случится? Кто продолжит работу? Кто сохранит данные?

Она молчала.

– Знание не должно принадлежать одному человеку, – продолжал Вэйланд. – Или двум. Оно должно быть… – он помедлил, подбирая слово, – … распределённым. Резервированным. Чтобы его нельзя было уничтожить, спрятать, забыть.

– Публикация – не единственный способ.

– Самый надёжный.

Элиза вернулась к столу. Села напротив него. Их глаза встретились.

– Дайте мне время, – сказала она. – Неделю. Две. Я продолжу анализ. Попытаюсь понять, что это такое. А потом… потом решим.

Вэйланд смотрел на неё долго. Его лицо было непроницаемым – маска, которую он носил всю жизнь. Потом маска дрогнула.

– У меня нет двух недель, – сказал он тихо.

Элиза замерла.

– Что?

– Рак. – Он произнёс это слово буднично, как название города или марку машины. – Глиобластома. Та же, что убила Эвелин. Диагноз поставили восемь месяцев назад.

Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

– Маркус…

– Врачи давали год. – Он усмехнулся – той же горькой усмешкой, что и раньше. – Оказалось, я менее упрямый, чем жена. Метастазы в печени, в лёгких. Химия не помогает. Лучевая – тоже.

Он посмотрел на свои руки – тонкие, дрожащие.

– Шесть месяцев. Может, меньше. Врачи говорят – максимум до весны.

Тишина.

За окном ветер нёс песок через пустыню. Где-то вдалеке, за горами, просыпались ночные птицы.

– Поэтому вы прилетели, – сказала Элиза. Это было не вопросом.

– Да. – Вэйланд кивнул. – Я не успею увидеть всё. Не успею понять, что нашла Эвелин, что нашли вы. Но я хочу… – он замолчал, и впервые за весь вечер его голос дрогнул, – …я хочу знать, что оно существует. Что она не бредила. Что там, за краем, есть что-то настоящее.

Он поднял глаза на Элизу.

– Дайте мне это. Пожалуйста.

Элиза молчала.

Что она могла сказать? Что данные требуют проверки, что выводы преждевременны, что научный метод предполагает осторожность и сомнение? Всё это было правдой. И всё это было неважно.

Перед ней сидел умирающий человек. Человек, который потерял жену, потерял здоровье, скоро потеряет жизнь. Человек, который восемь лет финансировал её безумную идею – без гарантий, без надежды на результат, просто потому что верил.

Что она могла сказать?

– Хорошо, – произнесла она наконец. – Я покажу вам всё. Всё, что у меня есть. И мы вместе… мы попробуем понять.

Вэйланд смотрел на неё. Его глаза блестели – от усталости, от боли, от чего-то ещё.

– Спасибо, – сказал он.

Элиза кивнула. Слова застряли в горле.

– А публикация… – начал он.

– Подождёт. – Она подняла руку. – Несколько дней. Пока мы не поймём больше. Потом – решим вместе.

Он кивнул. Кажется, это его устроило – по крайней мере, сейчас.

– Вам нужно отдохнуть, – сказала Элиза. – Жилой блок в двадцати метрах. Там есть кровать, душ, всё необходимое.

– А вы?

– Я продолжу работать. – Она обернулась к мониторам.

Спираль всё ещё вращалась на экране, переливаясь цветами, которых не существовало. – Rosetta анализирует новые данные. К утру, может быть, будет что-то новое.

Вэйланд встал. Движение далось ему с трудом – он покачнулся, и Элиза инстинктивно протянула руку, чтобы поддержать. Он оттолкнул её – мягко, но твёрдо.

– Я ещё могу ходить сам, – сказал он. В его голосе слышалась гордость – и горечь. – Пока.

Он направился к двери. На пороге остановился.

– Элиза.

Она обернулась.

– Эвелин была права, – сказал Вэйланд. Его силуэт чернел на фоне дверного проёма. – Там есть что-то. За краем. Я чувствую это. Я чувствовал это с тех пор, как она умерла.

Он помедлил.

– Теперь вы это доказали.

Дверь закрылась за ним.

Элиза осталась одна.

Она долго сидела в тишине, глядя на экран. Спираль вращалась, данные текли, Rosetta перемалывала информацию в фоновом режиме. Всё как обычно. Всё – совершенно иначе.

Шесть месяцев.

Маркус Вэйланд – человек, который дал ей шанс, когда все отвернулись, – умирал. Той же болезнью, что убила его

жену. Той же болезнью, которая, возможно, позволила Эвелин увидеть то, что обычные люди не видят.

Геометрия под реальностью.

Элиза закрыла глаза. Усталость навалилась разом – тяжёлая, как свинцовое одеяло. Тридцать с лишним часов без сна. Тело требовало отдыха. Разум – продолжать работу.

Она открыла глаза и посмотрела на спираль.

Данные были реальны. Это она знала точно. Пять блоков, пять фрагментов информации, закодированных в гравитационной волне из другой галактики. Координаты, временны́е метки, структура.

Но что всё это означало?

Вэйланд хотел, чтобы это было посланием. Доказательством того, что его жена не бредила, что её видения были реальны. Элиза хотела… чего?

Она не знала.

Двенадцать лет назад она была уверена. Уверена в своей теории, в своих методах, в своей правоте. Эта уверенность стоила ей карьеры, репутации, всего, что имело значение в академическом мире.

Теперь, когда она наконец что-то нашла, – уверенность исчезла.

Может быть, так и должно быть, подумала она. Может быть, настоящее открытие – не то, что подтверждает твои ожидания. А то, что разрушает их.

Она потянулась к клавиатуре и запустила новый цикл ана-

лиза. Rosetta заработала, индикаторы замигали, данные потекли через алгоритмы.

Ответы были где-то там, в этих числах и паттернах. Элиза собиралась их найти.

Даже если это займёт всю оставшуюся ей жизнь.

Глава 4: Охотник

Форт-Мид, Мэриленд. День 3.

Коридоры Агентства национальной безопасности были серыми.

Не унылыми, не депрессивными – просто серыми. Функциональный цвет, не отвлекающий внимание. Стены – светло-серые. Пол – темно-серый. Потолок – что-то среднее. Даже люди здесь казались серыми: костюмы, лица, голоса. Всё приглушено, всё под контролем, всё – на своём месте.

Дэниел Кросс шёл по коридору третьего этажа, и его шаги отдавались мерным эхом. Семь утра, вторник. Обычный день. Обычная работа.

Он миновал пост охраны – кивок, сканирование пропуска, щелчок турникета. Прошёл мимо открытых офисов, где уже сидели ранние птицы, уткнувшись в мониторы. Кто-то поднял голову, кивнул. Дэниел кивнул в ответ. Имён он не помнил – незачем. Здесь все были функциями, не людьми. Аналитики, операторы, координаторы. Шестерёнки в машине, которая никогда не останавливалась.

Его кабинет находился в конце коридора – маленькая комната без окон, с одним столом, одним компьютером, одним стулом. На стене – сертификаты и благодарности в рамках. Он никогда их не читал.

Дэниел сел за стол и включил компьютер. Пароль, отпе-

чаток пальца, сканирование радужки. Три уровня защиты, чтобы получить доступ к тому, что большинство людей никогда не увидят.

На экране появился интерфейс – знакомый, как собственное отражение. Входящие сообщения, отчёты, запросы. Обычная рутина. Он начал просматривать, отмечая приоритеты, формируя план на день.

Сообщение от руководства остановило его.

КРОСС, Д. – ЯВИТЬСЯ В КАБИНЕТ 3-17 НЕМЕДЛЕННО. УОЛЛЕС.

Дэниел посмотрел на часы. 07:14. Генерал Уоллес не вызывал людей в семь утра без причины.

Он встал и направился к двери.

Кабинет 3-17 был больше, чем у Дэниела, но ненамного. Та же серость, та же функциональность. Разница – в человеке за столом.

Генерал Маркус Уоллес был из тех людей, которые заполняют собой любое помещение. Не размерами – он был среднего роста, не особенно широк в плечах. Но чем-то другим. Присутствием. Весом. Когда он смотрел на тебя – ты это чувствовал.

Сейчас он смотрел на Дэниела.

– Садитесь.

Не приглашение – приказ. Дэниел сел.

Уоллес молча передвинул через стол папку. Обычная папка, серая, без маркировки. Дэниел открыл её.

Внутри – распечатки. Логи перехваченных коммуникаций. Спутниковые снимки. Досье.

– Читайте, – сказал Уоллес.

Дэниел начал читать.

Первый документ – перехваченный телефонный разговор. Дата – два дня назад. Время – 03:47 по тихоокеанскому. Участники: абонент А (Калифорния, США) и абонент Б (Атакама, Чили).

Транскрипт был неполным – шифрование, судя по всему, частично справилось со своей задачей. Но ключевые слова были выделены маркером.

«…структура… сигнал из Андромеды… координаты… обсерватория…»

И ещё одно, подчёркнутое дважды:

«…геометрия под реальностью…»

Дэниел перевернул страницу.

Досье на абонента А. Маркус Эдвард Вэйланд, 58 лет. Основатель и бывший CEO Weyland Dynamics – компании, специализирующейся на квантовых вычислениях. Состояние – оценивается в 4.7 миллиарда долларов. Женат (вдовец с 2021). Детей нет. Текущий статус: отошёл от дел по состоянию здоровья.

В графе «Примечания» – пометка от аналитика: «Субъект известен финансированием нестандартных научных проек-

тов. Включая исследования, отвергнутые академическим сообществом. Возможная нестабильность».

Дэниел перешёл к следующему досье.

Абонент Б. Элиза Мэй Чэнь, 42 года. Бывший постдок Калифорнийского технологического института. Специализация – астрофизика, гравитационно-волновая астрономия. Уволена в 2014 году после скандала, связанного с публикацией «псевдонаучной» статьи. Текущее местоположение: обсерватория в пустыне Атакама, Чили. Финансирование – фонд Вэйланда.

В примечаниях: «Субъект продвигала теорию о возможности внеземных коммуникаций через гравитационные волны. Теория отвергнута научным сообществом. Возможная нестабильность».

Дэниел закрыл папку и посмотрел на Уоллеса.

– Что именно вы хотите, чтобы я понял, сэр?

Уоллес откинулся на спинку кресла. Его лицо было непроницаемым – маска, которую он носил так долго, что она, вероятно, приросла к коже.

– Два дня назад наши системы засекли аномалию. Всплеск активности вокруг частной обсерватории в Чили. Зашифрованные звонки, необычный трафик данных, перемещение крупных сумм. Сам по себе – ничего экстраординарного. Богатый эксцентрик и его карманный учёный играют в инопланетян.

Он сделал паузу.

– Но потом мы посмотрели внимательнее. Обсерватория подключена к сети LIGO – системе детекторов гравитационных волн. Официально – для научных исследований. Неофициально… – Уоллес пожал плечами. – Мы не знаем. И это меня беспокоит.

– С каких пор АНБ интересуется астрофизикой?

– С тех пор, как астрофизика начала интересоваться вещами, которые могут представлять угрозу национальной безопасности.

Дэниел поднял бровь.

– Угрозу?

Уоллес наклонился вперёд.

– Послушайте внимательно, Кросс. Мне плевать, существуют инопланетяне или нет. Мне плевать, нашла эта женщина что-то реальное или просто сходит с ума в пустыне. Меня интересует одно: что происходит, и какие последствия это может иметь.

Он постучал пальцем по папке.

– Вэйланд – не просто богатый чудак. У него связи в правительстве, в армии, в разведке. Он финансировал проекты DARPA, поставлял оборудование для ЦРУ. Если он во что-то вляпался – или если кто-то использует его как прикрытие – я хочу знать об этом первым.

– Вы думаете, это прикрытие?

– Я ничего не думаю. Я хочу фактов. – Уоллес встал и подошёл к окну – единственному в кабинете, выходящему

на парковку. – Ваше задание: установить наблюдение. Выяснить, что происходит в этой обсерватории. Оценить угрозу. Доложить.

– Временны́е рамки?

– Вчера. – Уоллес обернулся. – Вылетайте сегодня. Координация через обычные каналы. И, Кросс…

– Сэр?

– Тихо. Без следов. Если Вэйланд или его учёная узнают, что мы смотрим, – я хочу, чтобы это произошло потому, что вы так решили, а не потому, что вы облажались.

Дэниел встал.

– Понял, сэр.

Он направился к двери.

– Кросс.

Он обернулся.

Уоллес смотрел на него странным взглядом – оценивающим, почти испытующим.

– Почему я выбрал вас для этого задания?

Вопрос застал Дэниела врасплох. Он не привык, чтобы Уоллес объяснял свои решения.

– Не знаю, сэр.

– Потому что вы умеете смотреть. – Уоллес вернулся к столу. – Не просто видеть – смотреть. Замечать детали, которые другие пропускают. Это редкий талант.

Пауза.

– Используйте его.

Дэниел вернулся в свой кабинет и закрыл дверь.

Папка лежала перед ним – серая, безликая, как всё в этом здании. Он открыл её снова и перечитал транскрипт. Слова прыгали перед глазами, складываясь в странную картину.

«Сигнал из Андромеды». «Координаты». «Структура».

И это – «геометрия под реальностью».

Что-то шевельнулось в памяти. Что-то далёкое, похороненное глубоко. Он попытался ухватить – и не смог. Ощущение ускользнуло, как рыба из рук.

Дэниел потёр виски. Не сейчас. Работа.

Он начал собирать информацию. Обсерватория Атакама – частный объект, построенный в 2016 году на средства Weyland Foundation. Три телескопических купола, серверная ферма, жилой блок. Персонал – один человек: Элиза Чэнь. Изоляция, минимальный контакт с внешним миром, автономное энергоснабжение.

Идеальное место, чтобы спрятаться. Или чтобы что-то скрывать.

Он открыл спутниковые снимки. Бетонные здания посреди бесконечной пустыни. Ни дорог, ни соседей. Ближайший населённый пункт – в пятидесяти километрах. Единственный способ добраться – вертолёт или внедорожник.

Дэниел изучал снимки, запоминая расположение строений, возможные подходы, мёртвые зоны. Профессиональная

привычка – составлять карту местности ещё до того, как туда попадёшь.

К полудню он знал об обсерватории всё, что можно было узнать из открытых источников. И почти ничего из того, что действительно имело значение.

Что они нашли?

Этот вопрос не давал покоя. Перехваченный разговор был обрывочным, но тон – тон был узнаваем. Так говорят люди, которые обнаружили что-то важное. Что-то, что меняет правила игры.

Или люди, которые думают, что обнаружили.

Дэниел закрыл файлы и посмотрел на часы. 13:47. До вылета – шесть часов. Достаточно времени, чтобы заехать домой, собрать вещи. И сделать кое-что ещё.

Он вышел из кабинета, не оглядываясь.

Квартира Дэниела находилась в пятнадцати минутах езды от Форт-Мида – стандартный жилой комплекс для сотрудников, которым не нужно ничего, кроме крыши над головой.

Он вошёл, и дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Внутри было пусто. Не «минималистично», не «аскетично» – пусто. Диван. Стол. Телевизор, который он не включал месяцами. Кухня с холодильником, где стояла бутылка воды и контейнер с просроченным рисом. Спальня с кроватью, застеленной по-военному ровно.

Никаких книг. Никаких украшений. Никаких признаков того, что здесь кто-то живёт.

Кроме одной фотографии.

Она стояла на тумбочке у кровати – единственный личный предмет во всей квартире. Старый снимок, чуть выцветший по краям. Молодая женщина, тёмные волосы, высокие скулы. Глаза – странные. Не цветом – выражением. Она смотрела в камеру, но казалось, что смотрит сквозь. На что-то за кадром, невидимое для фотографа.

Анна Кросс, урождённая Петрова.

Его мать.

Дэниел взял фотографию в руки. Он делал это редко – прикосновение к стеклу вызывало что-то, чему он не мог подобрать названия. Не боль. Не тоску. Что-то глубже, древнее.

Мать умерла семь лет назад. Рак, как и у Вэйланда. Но не мозга – лёгких. Она никогда не курила; врачи не смогли объяснить. Просто – так случилось.

Она умерла в хосписе в Сакраменто, куда Дэниел успел прилететь за два дня до конца. Два дня он сидел рядом с её кроватью, держал её руку – тонкую, почти невесомую – и слушал её дыхание. Она почти не приходила в сознание. Но в последнюю ночь открыла глаза.

И посмотрела на него.

Не сквозь – на него. Впервые за всю его жизнь.

«Они снова передают, – сказала она. Голос был хриплым, едва слышным. – Слышишь? Ты должен услышать. Ты мо-

жешь. Ты – мой».

Он не услышал. Не понял. Она умерла через час, так и не объяснив.

Он до сих пор не понимал.

Дэниел поставил фотографию на место и сел на кровать.

Воспоминания приходили редко – он научился держать их под контролем. Но иногда, в моменты вроде этого, они прорывались.

Ему восемь лет. Кухня в маленьком доме в пригороде Сакраменто. Мать стоит у окна, глядя на улицу. Он подходит, дёргает её за руку.

– Мама?

Она не отвечает. Не оборачивается. Её глаза – он видит их отражение в стекле – смотрят куда-то далеко. Не на улицу. Дальше.

– Мама!

Он машет рукой перед её лицом. Ничего. Она как статуя – неподвижная, застывшая.

– Мама, пожалуйста!

Наконец – движение. Она моргает. Поворачивается к нему. Её глаза фокусируются – медленно, будто она возвращается издалека.

– Прости, милый. – Голос мягкий, но отстранённый. – Я видела… отвлеклась.

– Что ты видела?

Она смотрит на него. Долго. Слишком долго для обычного взгляда. И он чувствует – восьмилетний мальчик, который не должен понимать таких вещей – что она смотрит не совсем на него. Чуть мимо. Как будто видит что-то рядом с ним, что-то, чего он сам не видит.

– Ничего, – говорит она. – Просто тени.

Она гладит его по голове и возвращается к своим делам. Но он помнит её взгляд. Помнит ощущение – холодное, неприятное – что она видит больше, чем показывает.

Что она видит то, чего не должна.

Дэниел открыл глаза.

Воспоминание отступило, но оставило осадок – как всегда. Горечь во рту, напряжение в плечах.

Он встал и подошёл к столу, где лежал его ноутбук. Личный, не служебный – но с доступом к определённым базам данных. Привилегия, которую он получил год назад, когда наконец достиг нужного уровня допуска.

Он открыл папку, которую не открывал месяцами.

ПЕТРОВА, Анна Сергеевна. 1963-2017. Гражданство: США (натурализация, 1992). Место рождения: ЗАТО Космос-7, Казахская ССР, СССР.

Файл матери.

Дэниел читал его не в первый раз. Он знал содержимое

почти наизусть. Но сегодня – после разговора с Уоллесом, после слов «геометрия под реальностью» – что-то заставило его вернуться.

Анна Петрова родилась в закрытом посёлке под Байконуром. Отец – Сергей Петров, учёный, работавший на космическую программу. Мать – Елена Петрова, домохозяйка. Детство прошло за колючей проволокой, в мире, которого официально не существовало.

В 1989 году, во время хаоса перестройки, она бежала. Как именно – в файле не уточнялось. Добралась до американского посольства в Алма-Ате. Попросила убежища.

ЦРУ допрашивало её три месяца.

Дэниел пролистал страницы протоколов. Он читал их раньше, но сегодня что-то цепляло взгляд.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА №7 Дата: 14 марта 1990 Допрашивающий: [ЗАСЕКРЕЧЕНО] Субъект: ПЕТРОВА, Анна С.

В.: Расскажите о работе вашего отца. О.: Он изучал орбиты астероидов. Искал аномалии. В.: Какого рода аномалии? О.: Я не знаю научных терминов. Он говорил… он говорил, что некоторые орбиты выглядят неправильно. Как будто их кто-то изменил. В.: Изменил? Кто? О.: Он не знал. Никто не знал. Но они видели… паттерны. Структуры. В.: Структуры в орбитах астероидов? О.: Да. Как… как язык. Без слов, но язык.

Дэниел остановился.

Структуры. Паттерны. Язык.

Те же слова, что в перехваченном звонке.

Он читал дальше.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА №12 Дата: 3 апреля 1990

В.: Вы упоминали, что ваш отец изменился после работы с этими данными. О.: Да. Все изменились. Все, кто смотрел. В.: Смотрел на что? О.: На визуализацию. Они создали… картинку. Из данных. Чтобы видеть паттерн. И когда они смотрели на неё… В.: Что происходило? О.: Они начинали видеть по-другому. Мир выглядел иначе. Геометрия… под реальностью. Связи между вещами. В.: Вы тоже это видели? О.: Немного. Я была маленькая. Не смотрела долго. Но я… чувствую. Иногда. Тени того, что они видели.

Дэниел перестал дышать.

«Геометрия под реальностью».

Те же слова. Точно те же слова, что использовал Вэйланд в перехваченном звонке.

Совпадение?

Он пролистал дальше. Последние страницы файла – оценка ЦРУ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Субъект предоставляет информацию, не поддающуюся верификации. Утверждения о «паттернах в орбитах астероидов» и «изменённом восприятии» не подтверждаются независимыми источниками. Вероятная интерпретация: детские воспоминания, искажённые временем и травмой. Возможно: психическое расстройство (рекомендуется обследование).

СТАТУС: НЕНАДЁЖНЫЙ ИСТОЧНИК.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: Предоставить убежище (низкий риск). Прекратить разведывательную работу (нулевая ценность).

Дэниел закрыл файл.

Он сидел в тишине пустой квартиры, глядя на экран ноутбука. За окном садилось солнце – обычный вечер в обычном пригороде. Машины возвращались с работы, дети играли во дворах, где-то залаяла собака.

Обычный мир. Нормальный мир.

Но мать видела другой.

«Геометрия под реальностью». Она говорила об этом – не этими словами, но об этом. О тенях, которые она видела. О связях, которые чувствовала. О чём-то, что пряталось за поверхностью вещей.

И теперь – те же слова в разговоре между миллиардером и изгнанным учёным. В обсерватории на другом конце мира. В расследовании, которое он только что получил.

Совпадение?

Дэниел не верил в совпадения.

Он достал из шкафа дорожную сумку – всегда собранную, всегда готовую. Привычка, оставшаяся с армейских времён. Проверил содержимое: одежда, документы, оборудование. Всё на месте.

Перед выходом он остановился у тумбочки. Фотография матери смотрела на него – сквозь него, как всегда.

«Ты должен услышать. Ты можешь. Ты – мой».

Он не понимал тогда. Не понимает сейчас. Но, может быть, ответы – там, в пустыне Атакама. Рядом с женщиной, которая говорит теми же словами, что его мёртвая мать.

Дэниел взял сумку и вышел из квартиры.

Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Он вёл машину к аэропорту, и мысли текли, как поток данных на мониторе. Факты, связи, гипотезы.

Элиза Чэнь – астрофизик, изгнанная за теорию о внеземных коммуникациях. Маркус Вэйланд – миллиардер, финансирующий её работу. Обсерватория в пустыне, подключённая к сети гравитационных детекторов.

И посёлок ЗАТО Космос-7. Место, где родилась его мать. Место, откуда она бежала тридцать пять лет назад. Место, о котором она никогда не рассказывала – кроме тех редких моментов, когда смотрела сквозь него и шептала о тенях.

Связь была. Он чувствовал её – как чувствовал паттерны в данных, как чувствовал ложь в голосах допрашиваемых. Интуиция, которую Уоллес назвал «талантом».

Но какая связь?

Этого он пока не знал.

Закат окрасил небо в багровый. Дэниел вёл машину, и его

руки лежали на руле неподвижно, уверенно. Он выглядел спокойным – всегда выглядел спокойным.

Внутри – другое.

Внутри просыпалось что-то, что он давно похоронил. Вопросы, которые он запрещал себе задавать. Воспоминания, которые держал под замком.

Мать смотрела сквозь него всю его жизнь. Он ненавидел это – и отчаянно хотел понять. Почему она не могла смотреть на него нормально? Почему он никогда не чувствовал себя достаточно реальным для неё?

Может быть, ответ был в той обсерватории. Может быть – в словах, которые она произнесла перед смертью.

«Они снова передают».

Кто – они?

Дэниел свернул на подъезд к аэропорту. Впереди ждал самолёт, ждала пустыня, ждала женщина, которая, возможно, знала то, чего не знал он.

Он собирался это выяснить.

Глава 5: Карантин

Обсерватория Атакама, Чили. Дни 3-5.

Вэйланд улетел на второй день.

Элиза стояла на посадочной площадке и смотрела, как вертолёт поднимается в небо – чёрная точка на фоне ослепительной синевы. Он не попрощался, только кивнул. Врачи настояли на возвращении: какие-то показатели, какие-то процедуры, которые нельзя откладывать. Он обещал оставаться на связи.

Вертолёт исчез за горизонтом. Элиза осталась одна.

Она вернулась в операционный центр и села перед мониторами. Данные ждали её – терпеливые, бесконечные, непонятные. Пять блоков, которые она расшифровала в первую ночь, оказались только началом. Rosetta продолжала находить структуры, и с каждым часом картина становилась сложнее.

И тревожнее.

День 3.

Шестой блок обнаружился в фазе нарастания сигнала – там, где Элиза не ожидала найти ничего, кроме стандартного чирпа слияния. Rosetta пометила его оранжевым: высокая информационная плотность, нестандартная структура.

Элиза увеличила масштаб. Данные развернулись на экране – и она увидела цвет. Не тот переливающийся спектр, что был в первых пяти блоках. Этот был другим. Тёмно-красным. Почти багровым. Цвет засохшей крови, цвет заката перед бурей.

Плохой знак, подумала она. И тут же одёрнула себя: данные не могут быть «плохими» или «хорошими». Они просто есть.

Но цвет не менялся.

Она запустила интерпретатор. Алгоритм работал долго – почти час, – перебирая возможные соответствия. Результат появился на экране, и Элиза почувствовала, как что-то холодное шевельнулось в груди.

БЛОК 6: КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ МАРКЕР. ТИП: Категориальная метка. БЛИЖАЙШИЙ АНАЛОГ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИСТЕМАХ: Предупреждающий знак. Маркировка опасной зоны.

Предупреждающий знак.

Элиза откинулась на спинку кресла. Это могло означать что угодно. Маркировка источника сигнала – «осторожно, здесь произошло слияние нейтронных звёзд». Или указание на какую-то особенность передачи. Или…

Или предупреждение о чём-то другом.

Она открыла структуру блока и начала изучать детали. Классификационный маркер был привязан к координатам – не к Андромеде, откуда пришёл сигнал, а к Солнечной си-

стеме. К Земле.

Предупреждение. О Земле.

Элиза почувствовала, как пересыхает во рту.

Она набрала номер Вэйланда.

Он ответил после шестого гудка. Голос был слабым, измождённым – хуже, чем вчера.

– Элиза. Что-то нашли?

– Новый блок. – Она старалась говорить ровно, профессионально. – Классификационный маркер. Привязан к координатам Земли.

Молчание.

– Какого типа маркер?

– Rosetta интерпретирует как предупреждающий знак. Маркировка опасной зоны.

Снова молчание. Дольше, чем прежде.

– Вы уверены?

– Алгоритм уверен на 73%. – Элиза посмотрела на экран. Багровый цвет пульсировал, словно живой. – Но интерпретация может быть ошибочной. Мы не знаем контекста. Не знаем, что именно считается «опасным» для отправителей.

– Но это связано с нами.

– Да. – Она не могла отрицать очевидное. – Координаты Земли помечены чем-то, что выглядит как предупреждение.

Вэйланд закашлялся – долго, надсадно. Когда он загово-

рил снова, голос был ещё слабее:

– Продолжайте анализ. Может быть, следующие блоки объяснят.

– Маркус, вам нужно отдыхать.

– Мне нужно знать. – В его голосе мелькнуло что-то от прежней твёрдости. – Отдых подождёт. Знание – нет.

Он отключился.

Элиза положила телефон на стол и уставилась на экран.

Предупреждение. О Земле. В послании, отправленном 2.5 миллиона лет назад.

Она не знала, что это значит. Но знала, что ей это не нравится.

День 4.

Седьмой и восьмой блоки Rosetta нашла к полудню.

Элиза не спала уже сорок часов. Тело протестовало – головная боль, резь в глазах, тремор в пальцах. Она игнорировала его. Сон мог подождать. Ответы – нет.

Седьмой блок был короче предыдущих – сжатая последовательность, почти пиктограмма. Rosetta интерпретировала его как «временну́ю рекомендацию»: что-то вроде «не сейчас», «подождать», «избегать контакта до».

Восьмой – длиннее и сложнее. Многоуровневая структура, напоминающая дерево решений. Если А, то Б. Если не А, то В. Условные конструкции, ветвящиеся пути.

Элиза изучала его часами, пытаясь понять логику. Цвета данных менялись – от багрового к почти чёрному, с редкими вкраплениями тусклого золота. Мрачная палитра. Тревожная.

К вечеру она собрала достаточно, чтобы сформулировать гипотезу.

И эта гипотеза ей не понравилась.

Структура послания напоминала протокол. Не в смысле «дипломатический протокол» – в смысле «медицинский протокол». Или – ещё точнее – карантинный.

Элиза видела такие документы раньше, когда изучала историю эпидемий для одного из своих ранних проектов. Инструкции ВОЗ по изоляции заражённых территорий. Протоколы CDC по работе с опасными патогенами. Стандарты биобезопасности четвёртого уровня.

Те же элементы. Классификация угрозы. Маркировка зоны. Рекомендации по избеганию контакта. Условия для снятия ограничений.

Послание из Андромеды было структурировано так же.

Она запустила сравнительный анализ – заставила Rosetta сопоставить структуру сигнала с базой человеческих документов. Карантинные протоколы разных эпох и культур. Предупреждающие знаки. Системы маркировки опасных зон.

Результат появился через три часа.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: Структура сигнала демонстрирует значительное сходство с человеческими моделями изоляции и карантина. СОВПАДЕНИЕ: 67.4% КЛЮЧЕВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ:

Классификационный маркер → Категория угрозы

Координатная привязка → Обозначение зоны

Временна́я рекомендация → Период изоляции

Условная структура → Протокол снятия ограничений

Элиза читала и перечитывала эти строки. Слова не менялись.

Они пометили нас, думала она. 2.5 миллиона лет назад кто-то посмотрел на Землю – или на то место, где Земля будет – и повесил табличку: «Опасно. Не приближаться».

Почему?

Мы ещё не существовали. Человечества не было. Были только приматы, едва научившиеся ходить на двух ногах. Откуда они знали? Откуда могли знать, что мы появимся – и что с нами будет что-то не так?

Если только…

Если только они не видели будущего.

Или не создали его.

Ночь упала на пустыню внезапно, как всегда. Элиза сидела в темноте операционного центра, освещённая только мер-

цанием мониторов. Она не включала свет – зачем? Данные не станут яснее от лампы.

Телефон лежал рядом, молчаливый. Она должна была позвонить Вэйланду, рассказать о находках. Но что сказать? «Мы помечены как заражённая зона»? «Земля – чумной дом для галактики»?

Это звучало безумно. И это было единственным объяснением, которое укладывалось в данные.

Она встала и подошла к окну. За стеклом – чернота, усеянная звёздами. Млечный Путь разрезал небо надвое. Где-то там, невидимая сейчас, лежала Андромеда.

Они смотрят на нас, подумала Элиза. Не буквально – сигнал шёл 2.5 миллиона лет, те, кто его отправил, давно мертвы. Но их взгляд – их суждение – осталось. Закодированное в гравитационных волнах, записанное в структуре пространства-времени.

Предупреждение. Карантин. Не приближаться.

Почему?

Что с нами не так?

День 5, утро.

Элиза проснулась за столом, уткнувшись лицом в клавиатуру. Шея болела, спина ныла, во рту был привкус несвежего кофе. Она не помнила, когда уснула – просто в какой-то момент тело отключилось, не спросив разрешения.

На экране мигало уведомление.

АНАЛИЗ ЗАВЕРШЁН. ОБНАРУЖЕНЫ НОВЫЕ БЛОКИ: 2 ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СИГНАЛА: ОБНОВЛЕНА

Она выпрямилась, проморгалась. Пальцы нашли клавиатуру.

Rosetta работала всю ночь, продолжая анализ. Девятый и десятый блоки были найдены и интерпретированы. И теперь – теперь алгоритм был готов дать общую оценку.

Элиза нажала клавишу.

Экран заполнился данными. Графики, диаграммы, числа. Она пролистала их быстро, ища главное.

Нашла.

ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СИГНАЛА: ТИП: Карантинный протокол ВЕРОЯТНОСТЬ: 87.3% ОБЪЕКТ КАРАНТИНА: Координаты 3-4 (Земля) СТАТУС: Активный УСЛОВИЯ СНЯТИЯ: Не определены (недостаточно данных)

Элиза смотрела на экран.

Карантинный протокол.

Вероятность 87.3%.

Объект – Земля.

Статус – активный.

Она медленно откинулась на спинку кресла. Руки дрожали – не от усталости, от чего-то другого.

Это было то, чего она боялась. То, что подозревала, но

надеялась опровергнуть. Rosetta просеяла все данные, применила все алгоритмы, сравнила все паттерны – и пришла к выводу, который Элиза не хотела принимать.

Мы под карантином.

Кто-то – что-то – в галактике Андромеда пометил Землю как опасную зону. 2.5 миллиона лет назад. И этот статус по-прежнему активен.

Мы не просто не одиноки во Вселенной.

Мы – изгои.

Она не знала, сколько просидела неподвижно. Минуты, часы – время потеряло значение. Данные горели на экране, и их свет падал на её лицо, освещая пустые глаза.

Изгои.

Это слово крутилось в голове, как застрявшая мелодия. Изгои. Заражённые. Опасные.

Вся её жизнь – поиск контакта. Доказательство того, что мы не одиноки, что там, в бесконечности космоса, есть кто-то ещё. Кто-то, с кем можно поговорить, обменяться знаниями, разделить существование.

И вот – ответ.

Да, мы не одиноки. Да, там кто-то есть. И этот кто-то смотрит на нас из-за колючей проволоки карантинной зоны.

Не приближаться.

Опасно.

Заражено.

Элиза рассмеялась – коротким, сухим смешком, больше похожим на всхлип. Двенадцать лет она боролась за право искать. Потеряла карьеру, репутацию, всё, что имело значение. Потому что верила: там, за звёздами, есть надежда. Есть будущее. Есть смысл.

И вот – смысл нашёлся.

Мы – чумной дом Вселенной.

Телефон зазвонил, вырывая её из оцепенения.

Вэйланд. Его имя светилось на экране, пульсируя в такт звонку.

Элиза взяла трубку. Руки по-прежнему дрожали.

– Да.

– Вы не звонили. – Его голос был ещё слабее, чем вчера. – Двенадцать часов. Что-то случилось?

Она открыла рот – и не смогла произнести ни слова. Как объяснить? Как сказать человеку, который умирает от рака, что всё, во что он верил – надежда на контакт, на понимание, на то, что его жена видела что-то прекрасное – оказалось ложью?

– Элиза?

– Rosetta завершила анализ, – выдавила она. Голос звучал чужим, механическим. – Общая классификация сигнала.

– И?

– Карантинный протокол.

Тишина. Долгая, звенящая.

– Что это значит?

– Это значит… – Элиза закрыла глаза. – Это значит, что послание – не приветствие. Не приглашение к контакту. Это предупреждение. Маркировка опасной зоны. Мы… мы помечены.

– Помечены как что?

– Как угроза. Или как заражённые. Или как… – она не договорила.

– Как неудавшийся эксперимент, – тихо закончил Вэйланд.

Элиза не ответила. Он понял.

– Вы уверены? – спросил он после паузы.

– Rosetta уверена на 87%.

– А вы?

Она молчала.

– Элиза. А вы – уверены?

– Я не знаю. – Слова вырвались сами, честные и беспомощные. – Я не знаю, Маркус. Данные указывают на это. Все паттерны совпадают. Но… но это же безумие. Карантин на целую планету? За миллионы лет до появления человечества? Это не имеет смысла.

– Может быть, смысл просто другой.

– Какой?

– Не знаю. – Он закашлялся – долго, мучительно. – Но я

знаю одно: мы не понимаем их. Не можем понять. Они думают масштабами миллионов лет, оперируют гравитацией и орбитами. Их логика… их логика не обязана быть нашей.

– И что нам делать?

– Продолжать. – В его голосе мелькнула тень прежней твёрдости. – Искать дальше. Может быть, есть что-то ещё. Условия снятия карантина. Причины. Объяснения.

– А если нет?

Молчание.

– Тогда, – сказал Вэйланд медленно, – мы будем знать правду. А правда – даже страшная – лучше незнания.

Он отключился.

Элиза положила телефон и уставилась на экран.

Правда.

Какая правда? Что мы – чумной дом? Что нас пометили, как помечают ядерные отходы? Что там, за звёздами, нас боятся – или брезгуют нами – или просто считают слишком опасными для контакта?

Это – правда, которую она искала двенадцать лет?

Это – ответ на вопрос, который стоил ей всего?

Элиза закрыла глаза. Головная боль пульсировала в висках, синхронно с биением сердца.

Продолжать. Вэйланд прав. Нужно продолжать.

Она открыла глаза и потянулась к клавиатуре.

День 5, вечер.

Системы безопасности сработали в 19:47 по местному времени.

Элиза не сразу заметила – она была погружена в анализ, пытаясь найти в данных хоть что-то, что опровергло бы вывод Rosetta. Мигающий индикатор на периферии зрения. Тихий сигнал тревоги.

Она подняла голову.

На экране системы мониторинга – красное предупреждение. «ОБНАРУЖЕНА СЕТЕВАЯ АКТИВНОСТЬ. ПОПЫТКА НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА».

Элиза нахмурилась. Обсерватория была изолирована – выделенный спутниковый канал, многоуровневое шифрование. Кто мог пытаться взломать?

Она открыла логи.

Атака началась два часа назад – медленная, осторожная, почти незаметная. Зондирование портов, тестирование защиты. Профессиональная работа: никаких грубых попыток прорыва, только тихое прощупывание.

Источник – замаскирован. Цепочка прокси-серверов, уводящая в никуда. Но Элиза знала достаточно о кибербезопасности, чтобы распознать почерк.

Государственный актор. Не любители, не хакеры-одиночки. Кто-то серьёзный.

Она проверила глубину проникновения. Внешний периметр – нетронут. Файрволл – держится. Но атакующие не пы-

тались прорваться; они собирали информацию. Анализировали трафик. Изучали структуру сети.

Разведка.

Элиза почувствовала, как холодеют руки.

Кто-то знает. Кто-то засёк их активность – перехваченные звонки, необычный трафик данных – и теперь пытается понять, что происходит.

Правительство? Какое – американское, китайское, российское? Все сразу?

Она не знала. И это пугало больше всего.

Элиза запустила протокол защиты – автоматическое укрепление периметра, смена ключей шифрования, изоляция критических систем. Rosetta и её данные были на отдельном сервере, физически отключённом от внешней сети. До них не добраться – пока.

Но это вопрос времени.

Если кто-то достаточно мотивирован – они найдут способ. Прилетят лично. Пришлют агентов. Надавят на Вэйланда. Или просто заберут обсерваторию под предлогом «национальной безопасности».

Элиза смотрела на мигающие индикаторы и понимала: её время уходит.

Она нашла что-то важное. Что-то, что изменит мир – к лучшему или к худшему. И теперь за этим охотятся другие.

Гонка началась.

День 5, ночь.

Она вышла на крышу, когда стало совсем невыносимо.

Не физически – голова болела, глаза слезились, тело требовало сна – но к этому она привыкла. Невыносимо было другое. Мысли. Данные. Выводы, от которых хотелось кричать.

Карантинный протокол. 87.3%. Объект – Земля. Статус – активный.

Элиза стояла на краю крыши и смотрела на небо.

Звёзды были яркими – ярче, чем где-либо ещё на планете. Пустыня Атакама, самое сухое место на Земле, идеальное для астрономии. Никакого светового загрязнения, никакой влажности, ничего, что могло бы помешать видеть бесконечность.

Она видела её сейчас. Бесконечность. Миллиарды звёзд, миллиарды возможных миров. И где-то там – те, кто отправил послание. Те, кто пометил Землю знаком опасности.

Почему?

Этот вопрос мучил её больше всего. Не сам факт карантина – с этим можно было смириться, как смиряются с диагнозом. Но причина. Что они увидели в нас? Что заставило их – миллионы лет назад – решить, что мы опасны?

Мы ещё не существовали. Человечества не было. Были только приматы, едва отличимые от других животных.

Или…

Или они видели дальше. Видели, во что мы превратимся. Войны. Геноцид. Ядерное оружие. Экологические катастрофы. Всё то, что делает нас – нами.

Может быть, они были правы.

Может быть, мы действительно опасны.

Элиза опустила взгляд на свои руки. Тонкие пальцы, короткие ногти, мозоли от клавиатуры. Руки учёного. Руки человека, который всю жизнь искал контакта с иным разумом.

И нашёл – табличку «Не входить».

Что-то горячее скатилось по щеке. Она подняла руку и коснулась лица – мокрое. Слёзы.

Когда она плакала в последний раз? После Женевы? После увольнения? Она не помнила. Разучилась. Слёзы – признак слабости, а она не могла позволить себе быть слабой.

Но сейчас – сейчас было всё равно.

Она стояла на крыше обсерватории, посреди пустыни, на планете, помеченной как чумной дом, и плакала. Беззвучно, без рыданий – просто слёзы текли по лицу, и она не пыталась их остановить.

Двенадцать лет.

Двенадцать лет она верила, что там, за звёздами, есть надежда. Что контакт возможен. Что мы не одиноки – и это прекрасно.

Теперь она знала: мы не одиноки. И это – приговор.

2.5 миллиона лет назад кто-то посмотрел на Землю. На точку в пространстве, где когда-нибудь появятся люди. И

решил: нет. Не стоит. Слишком опасно. Слишком… неправильно.

Они знали, что мы появимся.

И знали, что с нами будет что-то не так.

Звёзды мерцали над ней – равнодушные, вечные. Миллиарды солнц, миллиарды миров. И ни один из них не хочет иметь с нами дела.

Элиза опустилась на холодный бетон крыши. Обхватила колени руками. Слёзы продолжали течь – тихие, неостановимые.

Она не знала, сколько просидела так. Минуты, часы – неважно. Ночь была тёплой, ветер нёс запах пустыни – сухой, минеральный, мёртвый. Хороший запах для места, которое само по себе – карантинная зона.

Где-то внизу, в операционном центре, Rosetta продолжала работать. Анализировала данные, искала паттерны. Может быть, находила что-то новое. Может быть – нет.

Элиза не хотела знать.

Не сейчас.

Сейчас она просто хотела сидеть здесь, под звёздами, которые смотрели на неё с безразличием судей, и плакать о мире, который только что узнал свой приговор.

Карантин.

Мы под карантином.

И никто – никто во всей бесконечной Вселенной – не собирается нас выпускать.

Глава 6: Тень отца

Калтех, Пасадина. День 6.

Кабинет Виктора Озерова был похож на археологический раскоп.

Книги громоздились повсюду – на полках, на столе, на подоконнике, стопками на полу. Старые журналы с загнутыми страницами. Распечатки статей, испещрённые пометками. Фотографии в рамках – телескопы, конференции, люди, которых уже нет в живых. Сорок лет академической жизни, спрессованные в двадцать квадратных метров.

Виктор сидел за столом, глядя в окно. За стеклом – кампус Калтеха, залитый калифорнийским солнцем. Студенты пересекали лужайку, смеялись, спорили о чём-то. Молодые. Уверенные в том, что мир принадлежит им.

Он помнил это чувство. Смутно, как помнят сны.

Ему было шестьдесят семь лет. Официально – почётный профессор, ушедший на заслуженный отдых. Неофициально – старик, который каждый день приходит в кабинет, потому что больше идти некуда.

Жены не было никогда. Детей – тоже. Друзья… друзья остались в прошлом, вместе с амбициями и надеждами. Теперь – только книги. Только работа. Только воспоминания, которые он предпочёл бы забыть.

На столе лежала фотография в простой деревянной рам-

ке. Мужчина и женщина, молодые, счастливые. Ленинград, 1962 год. Родители, за год до его рождения. Отец – высокий, темноволосый, с острым взглядом учёного. Мать – красивая, светлая, с улыбкой, которую Виктор помнил лучше всего на свете.

Оба давно мертвы. Мать – в 1991-м, от сердечного приступа, через месяц после распада Союза. Отец – раньше. Гораздо раньше.

Официально – в 1982-м, в закрытом санатории под Байконуром. Инсульт, согласно документам.

Неофициально… Виктор не знал. Никто не знал. Человек, которого он видел в последний раз в двенадцать лет, носил лицо отца, но отцом уже не был.

Телефон на столе зазвонил, вырывая его из мыслей.

Виктор посмотрел на экран. Незнакомый номер. Он хотел сбросить – не любил неожиданные звонки – но что-то заставило его ответить.

– Да?

– Профессор Озеров? – Молодой голос, возбуждённый, сбивчивый. – Это Алекс Морено. Я был вашим студентом, помните? Диплом по гравитационным линзам, 2019 год.

Виктор нахмурился, пытаясь вспомнить. Морено… смуглый парень, способный, но слишком торопливый?

– Помню, – сказал он осторожно. – Что случилось?

– Профессор, я сейчас работаю в Weyland Dynamics. В научном отделе. И тут происходит что-то… что-то невероят-

ное. Я не знаю, кому ещё позвонить.

Виктор выпрямился в кресле. Weyland Dynamics. Имя было знакомым – компания Маркуса Вэйланда, эксцентричного миллиардера, который финансировал проекты, от которых отказывались все остальные.

Включая один конкретный проект.

– Говори, – сказал он. Голос прозвучал резче, чем он хотел.

– Обсерватория в Атакаме. Та, которую финансирует Вэйланд. Они что-то нашли. Сигнал. Структуру в гравитационных волнах.

Виктор замер.

– Кто ведёт проект?

– Элиза Чэнь. – Морено произнёс имя так, будто оно само по себе было объяснением. – Та самая. Которая публиковала теорию о…

– Я знаю, кто такая Элиза Чэнь.

Молчание на другом конце. Виктор слышал собственное дыхание – слишком громкое в тишине кабинета.

– Профессор? Вы в порядке?

Нет. Он не был в порядке. Он не был в порядке уже десять лет – с того дня, когда сделал то, чего никогда себе не простит.

– Что именно они нашли? – спросил он, заставляя голос звучать ровно.

– Я не знаю деталей. Уровень допуска не тот. Но я видел

фрагменты визуализации. – Морено сделал паузу. – Профессор, это выглядит… это выглядит как паттерн. Не шум – паттерн. Структура. Как будто там закодировано что-то.

– Пришли мне.

– Что?

– Визуализацию. Фрагменты, которые видел. Пришли на личную почту.

– Профессор, это конфиденциальные данные. Если узнают…

– Алекс. – Виктор говорил медленно, чётко, как говорил когда-то на лекциях. – Пришли мне эти данные. Сейчас.

Пауза. Потом:

– Хорошо. Дайте десять минут.

Связь оборвалась.

Виктор положил телефон на стол и уставился на него, будто на гранату с выдернутой чекой.

Элиза Чэнь.

Имя, которое он не произносил десять лет. Имя, которое преследовало его в бессонные ночи, когда совесть отказывалась молчать.

Она что-то нашла.

Конечно, нашла. Он всегда знал, что она найдёт – если ей дать достаточно времени и ресурсов. Она была лучшей из всех, кого он когда-либо учил. Самой яркой. Самой упрямой.

Самой опасной.

Десять лет назад.

Виктор помнил тот день, будто это было вчера. Конференц-зал в Женеве, полный людей. Софиты, камеры, микрофоны. Международный симпозиум по гравитационно-волновой астрономии – главное событие года.

Элиза стояла на трибуне. Тридцать два года, худощавая, в строгом костюме, который сидел на ней неловко – она никогда не умела одеваться «правильно». Короткие чёрные волосы, тёмные глаза, руки, которые двигались слишком быстро, когда она волновалась.

Она представляла теорию, над которой работала три года. Гравитационная семантика – идея о том, что развитые цивилизации могут использовать гравитационные волны для коммуникации. Не случайные сигналы – структурированные послания, закодированные в модуляции орбит, в паттернах слияния компактных объектов.

Виктор сидел в третьем ряду и слушал. Её голос дрожал от волнения, но слова были точными, аргументы – выверенными. Она показывала математику, статистику, модели. Она была права. Он знал, что она права – знал лучше, чем кто-либо в этом зале.

Потому что видел то же самое в папке отца.

А потом начались вопросы.

Михаил Корнев из Московского университета встал пер-

вым. Грузный, лысеющий, с вечно недовольным выражением лица. Он не спрашивал – он атаковал.

– Доктор Чэнь, вы предлагаете нам поверить, что внеземные цивилизации используют гравитационные волны для передачи сообщений. На каком основании? Где эмпирические данные? Где повторяемые наблюдения?

Элиза пыталась отвечать, но Корнев не давал ей закончить. За ним поднялись другие – те, кто не любил выскочек, кто боялся новых идей, кто защищал собственные теории. Вопросы превратились в обвинения. «Псевдонаука». «Апофения». «Когнитивное искажение».

Виктор сидел молча.

Он мог встать. Мог защитить её. Мог сказать: «Она права. У меня есть доказательства». Мог показать папку отца, осциллограммы 1973 года, записи людей, которые видели то же самое полвека назад.

Он не встал.

Он сидел и смотрел, как её уничтожают. Как свет в её глазах гаснет, сменяясь сначала непониманием, потом болью, потом – пустотой.

После конференции она подошла к нему. Её ментору. Человеку, который три года направлял её исследования.

– Виктор, – сказала она. Голос был хриплым от сдерживаемых слёз. – Почему вы молчали?

Он не ответил. Не смог.

Она ждала – секунду, две, вечность. Потом развернулась

и ушла.

Больше они не разговаривали.

Через месяц после Женевы в редакцию Nature пришло анонимное письмо.

Виктор помнил, как писал его. Ночью, в пустом кабинете, с бутылкой виски под рукой. Слова давались тяжело – каждое было предательством.

«Уважаемые редакторы, обращаю ваше внимание на возможные нарушения в методологии исследования доктора Э. Чэнь…»

Он не обвинял её напрямую – для этого не хватило бы подлости. Просто намекал. Ставил под сомнение. Предлагал «независимую проверку».

Редакция отнеслась к письму серьёзно. Началось расследование. Восемь месяцев Элиза доказывала, что её данные подлинны, что методы корректны, что выводы обоснованы. Она доказала – формально. Но репутация была уничтожена.

Nature отозвал статью «в связи с неразрешёнными методологическими вопросами». Калтех «попросил её уйти» – без скандала, без объяснений. Коллеги перестали отвечать на письма. Двери закрылись одна за другой.

Виктор наблюдал издалека. Говорил себе: это необходимо. Это – защита. Она не понимает, во что ввязывается. Не знает, что случилось с теми, кто шёл этой дорогой до неё.

Он говорил себе, что спасает её.

Но по ночам, когда ложь переставала работать, он знал правду. Он испугался. Испугался того, что она найдёт. Испугался того, что это значит. Испугался – за себя.

Письмо от Морено пришло через семь минут.

Виктор открыл вложение, и на экране развернулось изображение. Фрактальная спираль, переливающаяся оттенками синего и золотого. Данные гравитационного сигнала, преобразованные в визуальную форму.

Он смотрел на них, и руки начали дрожать.

Не от старости. От узнавания.

Он видел это раньше. Пятьдесят лет назад, в другой стране, в другой жизни. Видел – и пытался забыть.

Виктор встал из-за стола. Ноги несли его сами – через кабинет, в угол, где стоял старый сейф. Тяжёлый, советский, привезённый из Ленинграда после смерти матери. Он не открывал его годами. Боялся того, что внутри.

Теперь – не было выбора.

Комбинация: день рождения матери, год смерти отца. Замок щёлкнул, дверца отворилась.

Внутри – папка. Жёлтая, истрёпанная, с выцветшим грифом «Секретно» на обложке. Виктор достал её, положил на стол рядом с компьютером.

Открыл.

Осциллограммы. Десятки листов, исписанных цифрами и покрытых волнистыми линиями. Записи, сделанные в 1973 году группой советских астрономов под руководством Сергея Петрова. Его отец был одним из них.

Виктор помнил, как нашёл эту папку. Лето 1991-го, через месяц после смерти матери. Он разбирал её вещи и наткнулся на коробку, спрятанную в глубине шкафа. Внутри – документы, которые она хранила все эти годы. Документы отца.

Тогда он не понял, на что смотрит. Только позже – через годы, когда стал астрофизиком, когда изучил гравитационные волны, когда прочитал теорию Элизы – он осознал.

Отец видел то же самое.

В 1973 году. За полвека до LIGO, до открытия гравитационных волн, до всего.

Только источником были не нейтронные звёзды в Андромеде. Источником были астероиды Главного пояса.

Виктор положил осциллограмму рядом с экраном компьютера.

Два изображения. Пятьдесят лет разницы. Разные инструменты, разные методы, разные масштабы.

Одинаковые паттерны.

Спирали. Фракталы. Структуры, которые не могли возникнуть случайно.

Он смотрел на них, и в голове звенела пустота. Годы от-

рицания, годы страха, годы убеждения себя, что это ничего не значит, что отец просто сошёл с ума, что Элиза ошибается – всё рухнуло в одну секунду.

Она была права.

С самого начала.

А он уничтожил её за это.

Воспоминание пришло само – непрошенное, неостановимое.

Ему двенадцать лет. Санаторий под Байконуром – закрытое учреждение для «особых пациентов». Мать привезла его на свидание. Последнее свидание, как выяснится потом.

Комната для встреч: белые стены, стол, два стула. Окно с решёткой. Запах дезинфекции и чего-то ещё – сладковатого, неприятного. Запах болезни. Или безумия.

Дверь открывается. Входит человек в больничном халате.

У него лицо отца. Те же тёмные волосы, те же острые скулы, та же родинка над бровью. Но глаза – глаза другие. Они смотрят на Витю, но не видят его. Смотрят сквозь. На что-то за его спиной, чего нет в комнате.

– Папа? – Голос мальчика дрожит.

Человек с лицом отца садится на стул. Его движения странные – слишком плавные, слишком точные. Как у робота, который имитирует человека.

– Витя. – Голос тоже другой. Монотонный, без интона-

ций. – Твоя орбита… такая длинная. Ты уйдёшь далеко. Так далеко…

– Папа, о чём ты говоришь?

Человек не отвечает. Его глаза – те, что смотрят сквозь – слегка двигаются, будто отслеживая что-то невидимое.

– Они передают, – говорит он. – Каждый день. Ты слышишь? Вибрации в камнях. В орбитах. В свете звёзд. Они говорят, а мы не слушаем. Мы не умеем слушать.

– Папа! – Витя хватает его за руку. – Посмотри на меня! Пожалуйста!

На секунду – только на секунду – глаза фокусируются. Отец видит сына. По-настоящему видит.

– Прости, – шепчет он. – Прости, что не могу смотреть только на тебя. Я вижу слишком много. Слишком много тебя.

Потом взгляд снова ускользает. Снова – сквозь. Снова – в никуда.

Мать уводит Витю. Он плачет всю дорогу до гостиницы.

Через три месяца отец умрёт. Инсульт, напишут в документах. Витя никогда не узнает правды. Но будет помнить этот взгляд – взгляд человека, который видит слишком много – всю оставшуюся жизнь.

Виктор сидел за столом, глядя на две картинки – осциллограмму отца и визуализацию Морено.

Одинаковые паттерны. Одинаковый источник? Одно послание, повторяющееся снова и снова, из разных точек космоса, на разных частотах?

Или – один отправитель, который не сдаётся?

Он потёр виски. Голова раскалывалась – не от боли, от мыслей.

Отец видел это в орбитах астероидов. Элиза нашла в гравитационных волнах. Два канала, два метода – одно послание.

Что если астероиды были маяком? Чем-то вроде ретранслятора, настроенного на тех, кто ещё не умеет слушать гравитацию? А теперь – теперь, когда LIGO работает – можно получить сигнал напрямую?

Это объясняло бы, почему паттерны совпадают. Почему отец сошёл с ума, глядя на осциллограммы, – он смотрел на визуализацию послания, предназначенного не для человеческого мозга.

И Элиза сейчас смотрит на то же самое.

Виктор схватил телефон, начал набирать номер – и остановился.

Что он скажет?

«Элиза, прости, что уничтожил твою карьеру. Прости, что промолчал, когда тебя топили. Прости, что десять лет прятался, вместо того чтобы помочь. А теперь – слушай внимательно: то, что ты нашла, может свести тебя с ума. Как свело моего отца. Как, возможно, сводит прямо сейчас».

Она не станет слушать. Она ненавидит его – и имеет на это право.

Но если он не предупредит…

Виктор закрыл глаза.

Папка лежала перед ним – мост между 1973-м и сегодняшним днём. Доказательство того, что Элиза права. Доказательство, которое он прятал тридцать пять лет.

Он должен показать ей.

Но для этого придётся признаться. В предательстве. В трусости. Во всём, что он делал и не делал.

Виктор смотрел на осциллограммы отца – волнистые линии, в которых тот увидел голос звёзд – и впервые за десятилетия почувствовал что-то похожее на решимость.

Он достаточно долго бежал.

Пора было встретиться с тем, что он сделал.

Глава 7: Сдвиг

Обсерватория Атакама, Чили. День 6.

Элиза работала как автомат.

Встать. Кофе. Данные. Анализ. Кофе. Данные. Анализ. Сон – урывками, когда тело отключалось само. Снова встать. Снова кофе. Снова данные.

Карантинный протокол. 87.3%. Объект – Земля.

Слова крутились в голове, как заезженная пластинка. Она просыпалась с ними, засыпала с ними, видела их во сне. Красные буквы на чёрном фоне. Предупреждение. Маркировка. Приговор.

Прошло два дня с той ночи на крыше. Два дня слёз, которые больше не текли. Два дня работы, которая потеряла смысл.

Зачем искать дальше? Зачем копаться в данных, которые говорят одно и то же? Мы помечены. Мы изгои. Мы – ошибка эволюции, которую галактика предпочитает держать на расстоянии.

Но она продолжала. Потому что больше ничего не умела.

Утро шестого дня началось с очередной чашки кофе – третьей за ночь, которая плавно перетекла в утро. Элиза сидела перед мониторами, глядя на данные без интереса.

Rosetta работала в фоновом режиме, продолжая анализ. Алгоритм не уставал, не отчаивался, не задавал экзистенциальных вопросов. Просто перемалывал числа, искал паттерны, строил модели. Машина.

Элиза завидовала ей.

На главном экране вращалась визуализация – графическое представление сигнала, которое Rosetta генерировала для удобства анализа. Фрактальные спирали, пульсирующие в ритме, который казался почти музыкальным. Цвета – тёмные, приглушённые. Багровый, переходящий в чёрный. Цвета запёкшейся крови, цвета умирающих звёзд.

Раньше данные пели для неё. Теперь – только шептали о смерти.

Она потянулась к клавиатуре и начала рутинную процедуру – оптимизацию параметров визуализации. Стандартная операция, которую она выполняла десятки раз. Подбор угла обзора, фазы, масштаба. Поиск ракурса, при котором структура видна наиболее чётко.

Фаза: 0.0 радиан. Стандартное значение.

Элиза сдвинула ползунок. 0.1. 0.2. 0.3.

Визуализация менялась – едва заметно, как меняется пейзаж, когда поворачиваешь голову. Те же спирали, те же цвета. Только под другим углом.

0.4. 0.5. 0.6.

Она делала это механически, не ожидая ничего нового. Просто – работа. Просто – привычка. Просто – способ не

думать о том, что всё бессмысленно.

0.7.

Визуализация щёлкнула.

Нет – не щёлкнула. Это было другое слово. Она… сфокусировалась. Как размытая картинка, которая вдруг становится резкой. Как головоломка, в которой последний кусочек встаёт на место.

Элиза замерла.

Спирали изменились. Не структурно – структура осталась той же. Но направление… направление было другим. Раньше они закручивались внутрь – к центру, к себе, к изоляции. Теперь – наружу. К краям, к периферии, к… чему?

Цвета тоже изменились. Багровый посветлел, стал розоватым, потом – золотистым. Чёрный отступил, уступая место глубокой синеве. Не цвета смерти – цвета рассвета.

Элиза уставилась на экран.

Что она видит?

Она потянулась к интерфейсу Rosetta, вызвала окно классификации. Алгоритм уже обрабатывал изменения – индикатор прогресса полз по экрану, процент за процентом.

ПЕРЕСЧЁТ КЛАССИФИКАЦИИ… АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ… СРАВНЕНИЕ С БАЗОЙ ПАТТЕРНОВ…

Элиза ждала. Сердце билось быстрее, чем должно – она не понимала почему. Это всего лишь сдвиг фазы. Всего лишь другой угол обзора. Ничего принципиально нового.

Но цвета пели иначе. И это что-то значило.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБНОВЛЕНА.

Она нажала клавишу.

И мир перевернулся.

ПРЕДЫДУЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ:

Тип: Карантинный протокол

Вероятность: 87.3%

Статус: Изоляция

ТЕКУЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ:

Тип: Протокол инициации контакта

Вероятность: 84.1%

Статус: Готовность / Приглашение

Элиза читала и перечитывала эти строки. Слова не менялись.

Приглашение.

Не карантин – приглашение.

Она откинулась на спинку кресла, чувствуя, как кружится голова. Это невозможно. Данные те же самые. Структура та же самая. Как простой сдвиг фазы мог изменить интерпретацию на противоположную?

Но ответ был очевиден. Она сама его знала – теоретически, абстрактно. Теперь – увидела воочию.

Изоляция и готовность к контакту – зеркальные отражения друг друга.

Закрытая дверь и открытая дверь выглядят одинаково, если смотреть издалека. Человек, который отворачивается от мира, и человек, который к нему поворачивается, могут стоять в одной позе – только в разные стороны. Rosetta, обученная на человеческих паттернах, не различала направление. Она видела структуру – и интерпретировала её через призму того, что знала.

А человечество знало изоляцию лучше, чем контакт.

Мы смотрели на приглашение и видели предупреждение. Потому что привыкли бояться. Привыкли защищаться. Привыкли думать, что если кто-то обращает на нас внимание – это угроза.

Элиза рассмеялась – коротко, почти истерически. Два дня она оплакивала человечество, помеченное как чумной дом. Два дня верила, что мы изгои, отвергнутые галактикой.

А это было приглашение.

Всё это время – приглашение.

Она работала как одержимая.

Новая интерпретация открыла новые слои данных. Блоки, которые раньше читались как «предупреждение», теперь складывались в другую картину. Не «держитесь подальше» – «мы здесь». Не «опасно» – «готовы». Не «карантинная зона» – «точка рандеву».

Rosetta обрабатывала данные, и с каждым часом картина

становилась яснее.

Послание было не маркировкой. Послание было адресом. Координаты Земли – не метка на карте опасных зон. Это был… обратный адрес. «Мы знаем, где вы. Мы знаем, что вы появитесь. Когда будете готовы – свяжитесь».

Но как связаться с кем-то, кто отправил письмо 2.5 миллиона лет назад?

Ответ нашёлся в последних блоках данных.

Одиннадцатый блок был самым сложным – многоуровневая структура, которую Rosetta расшифровывала почти три часа. Элиза сидела перед экраном, наблюдая, как алгоритм разбирает слой за слоем.

Результат появился к полудню.

БЛОК 11: КООРДИНАТЫ СОБЫТИЯ ТИП: Астрономический объект КАТЕГОРИЯ: Слияние компактных объектов ЛОКАЦИЯ: RA 16h 29m 24.4s, Dec -26° 25' 55" СОЗВЕЗДИЕ: Скорпион ВРЕМЯ СОБЫТИЯ: T+21 день от момента обнаружения сигнала ПРИМЕЧАНИЕ: Слияние двух чёрных дыр звёздной массы

Элиза смотрела на данные, пытаясь понять.

Координаты. Время. Слияние чёрных дыр.

Это были не прошлые события – как слияние нейтронных звёзд в Андромеде, породившее исходный сигнал. Это было будущее. Через двадцать один день от обнаружения – то есть

через пятнадцать дней от сегодняшнего момента – где-то в созвездии Скорпиона столкнутся две чёрные дыры.

Откуда они знали?

Глупый вопрос. Они – кем бы они ни были – оперировали масштабами миллионов лет. Для них предсказать слияние чёрных дыр через несколько тысячелетий было, вероятно, не сложнее, чем для человека – предсказать восход солнца.

Но зачем сообщать об этом?

Элиза вызвала дополнительные данные. Rosetta продолжала анализ, выделяя связи между блоками.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: Блок 11 связан с блоками 6-10 (протокол инициации). ФУНКЦИЯ: Точка рандеву. КОММЕНТАРИЙ: Указанное событие может служить маркером для двусторонней коммуникации. Гравитационные волны от слияния чёрных дыр – идеальный «момент синхронизации» для обмена сигналами.

Элиза медленно выдохнула.

Точка рандеву.

Они не просто приглашали к контакту. Они назначали встречу. Через пятнадцать дней, когда две чёрные дыры столкнутся и породят гравитационную волну, которую зафиксируют детекторы по всей Земле, – в этот момент можно будет… что? Ответить? Отправить сигнал в ответ?

Как?

Элиза не знала. Пока – не знала. Но понимала одно: время ограничено. У неё было пятнадцать дней, чтобы разобрать-

ся.

Пятнадцать дней – после 2.5 миллиона лет ожидания.

Она позвонила Вэйланду.

Он ответил не сразу – дольше обычного. Когда его голос наконец зазвучал в трубке, Элиза услышала усталость. И боль. И что-то ещё – надежду?

– Элиза. Я ждал вашего звонка.

– Я ошиблась, – сказала она. Слова вырывались торопливо, сбивчиво. – Карантин – это была неправильная интерпретация. Rosetta ошиблась. Я ошиблась. Это не предупреждение – это приглашение.

Молчание.

– Объясните.

Она объяснила. Сдвиг фазы, зеркальная симметрия, новая классификация. Координаты слияния. Пятнадцать дней.

Вэйланд слушал молча. Когда она закончила, прошла долгая пауза.

– Вы уверены?

– На 84%. – Элиза посмотрела на экран, где всё ещё вращалась визуализация – золотая и синяя, открытая наружу. – Но, Маркус… это имеет больше смысла. Карантин подразумевает контроль, наблюдение, ресурсы на поддержание изоляции. Зачем тратить энергию на карантин планеты, которая не представляет угрозы? Мы даже не умели летать, когда

они отправили послание. А приглашение… приглашение – это инвестиция. Долгосрочная. Они отправили координаты и ждут. Миллионы лет – ждут.

– Ждут чего?

– Ответа. Когда мы будем достаточно развиты, чтобы понять послание и ответить.

Снова молчание. Потом – звук, который мог быть смехом или кашлем.

– Эвелин была права, – сказал Вэйланд тихо. – Там – что-то. Не враждебное. Просто… другое.

– Мы не знаем, враждебное или нет.

– Враждебная цивилизация не стала бы ждать миллионы лет. Она бы просто уничтожила нас, пока мы были беззащитны.

Элиза не могла с этим спорить. Логика была на его стороне.

– Пятнадцать дней, – сказала она. – У нас есть пятнадцать дней, чтобы понять, как ответить. Если мы вообще можем ответить.

– Вы найдёте способ. – В голосе Вэйланда звучала уверенность, которой она не чувствовала. – Вы уже нашли главное.

Он отключился.

Элиза положила телефон и уставилась на визуализацию.

Приглашение.

Они приглашали нас. Всё это время – приглашали.

И у неё было пятнадцать дней, чтобы принять приглаше-

ние.

Она работала до вечера, не замечая времени.

Двенадцатый блок оказался инструкцией – или чем-то похожим на инструкцию. Набор параметров, связанных с координатами слияния. Частоты. Амплитуды. Фазовые сдвиги. Элиза не понимала всего, но общая идея была ясна: это спецификация. Формат ответа.

Они не просто приглашали – они объясняли, как принять приглашение.

Тринадцатый блок был сложнее. Rosetta классифицировала его как «контекстуальный пакет» – набор данных, предназначенных для… чего? Калибровки? Обучения? Элиза не могла определить функцию, но структура завораживала. Фрактальные спирали внутри спиралей, самоподобные узоры, уходящие в бесконечность.

Она увеличила масштаб, пытаясь разглядеть детали. Визуализация заполнила экран – пульсирующая, переливающаяся, почти живая.

Красиво, подумала она. Невероятно красиво.

Цвета танцевали перед её глазами. Золото перетекало в синеву, синева – в зелень, зелень – в фиолет. Спирали вращались, разворачивались, складывались в узоры, которые казались знакомыми и чужими одновременно.

Элиза моргнула.

Или попыталась моргнуть.

Её глаза не закрывались.

Она не могла отвести взгляд.

Это осознание пришло не сразу – сначала было только ощущение, что что-то не так. Визуализация заполняла всё поле зрения, и она не могла посмотреть в сторону. Не могла закрыть глаза. Не могла даже захотеть этого.

Паника поднялась где-то глубоко – но не достигла поверхности. Что-то держало её внизу, как камень на дне озера.

Спирали вращались. Цвета пульсировали. И что-то… что-то происходило.

Элиза чувствовала это – не глазами, не разумом, чем-то другим. Как будто внутри её головы открывались двери, которые были заперты всю жизнь. Как будто часть мозга, которая спала, начинала просыпаться.

Тридцать секунд. Она не знала, откуда пришло это число – просто знала. Тридцать секунд она смотрела на визуализацию, не в силах отвернуться.

Потом – щелчок.

Как будто что-то отпустило её. Как будто невидимая рука убрала удерживающий захват.

Элиза отшатнулась от экрана, едва не упав с кресла. Сердце колотилось в груди, во рту пересохло. Она схватилась за край стола, пытаясь удержать равновесие.

Что это было?

Она посмотрела на монитор – обычный монитор, обычная визуализация. Спирали вращались, цвета переливались. Ничего особенного. Ничего опасного.

Но что-то изменилось.

Элиза повернула голову, и мир… сдвинулся.

Нет – не сдвинулся. Стал другим. Или она стала видеть его иначе.

Тени на стене. Обычные тени от мониторов, от мебели, от её собственного тела. Но теперь они выглядели… странно. Не как пятна темноты – как линии. Траектории. Следы движения, растянутые во времени.

Элиза медленно подняла руку. Тень повторила движение – но не совсем. Она видела не одну тень, а… несколько? Или одну, но размазанную? Как будто тень показывала не только текущее положение руки, но и то, где рука была секунду назад, и где будет секунду спустя.

Это невозможно, сказала она себе. Тени не работают так. Это галлюцинация. Усталость. Недосып.

Она закрыла глаза – и открыла снова.

Эффект не исчез.

Тени на стене по-прежнему выглядели как траектории. Как следы движения. Как… орбиты.

Элиза встала. Ноги держали, хотя колени дрожали. Она подошла к окну и посмотрела наружу.

Пустыня. Закат. Солнце касалось горизонта, окрашивая

небо в оранжевый и красный.

Но она видела не только это.

Она видела… линии. Тонкие, едва заметные, как паутина. Они тянулись от солнца к горизонту, от горизонта к горам, от гор к небу. Связи. Отношения. Гравитационные взаимодействия, которые она знала теоретически – и которые теперь, каким-то образом, могла видеть.

Это невозможно.

Она повторяла эти слова, как мантру. Это невозможно. Это невозможно. Это невозможно.

Но линии никуда не девались. Тени продолжали выглядеть как траектории. Мир изменился – или она изменилась – и пути назад не было.

Она просидела у окна до темноты.

Не потому что хотела – потому что не могла заставить себя двинуться. Новое восприятие требовало всего её внимания. Каждый раз, когда она смотрела на что-то, – стену, потолок, собственные руки – она видела больше, чем раньше. Слои. Связи. Истории, записанные в движении вещей.

Это пугало. И завораживало.

Когда небо потемнело и зажглись звёзды, Элиза наконец смогла думать.

Тридцать секунд. Она смотрела на визуализацию тридцать секунд – и что-то изменилось в её восприятии. Что-то,

чего не должно было случиться.

Или – должно?

Тринадцатый блок. «Контекстуальный пакет». Rosetta не могла определить его функцию. Но теперь Элиза подозревала, что знает.

Это было не просто сообщение. Это был… активатор. Триггер. Что-то, что запускало изменения в мозге смотрящего.

Нейропластичность, подумала она. Визуальные паттерны, которые воздействуют на нейронные связи. Она читала об исследованиях в этой области – стробоскопические эффекты, бинауральные ритмы, оптические иллюзии, влияющие на когнитивные функции. Но это было другое. Это было… целенаправленное.

Они знали, как работает наш мозг.

Конечно, знали. 2.5 миллиона лет назад они уже знали, где будет Земля, где будет обсерватория, кто будет смотреть на данные. Почему бы им не знать, как устроен человеческий мозг?

Элиза посмотрела на звёзды. Теперь она видела их иначе – не как точки света, а как… массы. Гравитационные колодцы, искривляющие пространство. Линии связей тянулись от звезды к звезде, образуя паутину, которая охватывала всё небо.

Красиво, подумала она снова. Невероятно красиво.

И страшно.

Потому что она не знала, что ещё изменится. Не знала, насколько глубоко зашёл процесс. Не знала, можно ли его остановить – и нужно ли.

Тридцать секунд.

Что будет, если смотреть дольше?

Она не хотела знать. И одновременно – хотела. Отчаянно, всепоглощающе, как наркоман хочет дозу.

Элиза отвернулась от окна и посмотрела на монитор. Визуализация всё ещё вращалась – безмолвная, терпеливая, ждущая.

Приглашение.

Они приглашали не просто к контакту. Они приглашали к изменению.

И она только что сделала первый шаг.

Глава 8: Первая экспозиция

Обсерватория Атакама, Чили. День 7.

Элиза проснулась от боли.

Не резкой – тупой, давящей, как будто кто-то обхватил её голову тисками и медленно закручивал. Она лежала на диване в комнате отдыха, не помня, как там оказалась. Последнее воспоминание – звёзды за окном, паутина линий между ними, ощущение, что мир сдвинулся с привычных рельсов.

Она открыла глаза.

И тут же закрыла их снова.

Свет. Слишком много света. Утреннее солнце пробивалось сквозь жалюзи, рисуя полосы на полу, и эти полосы… они были неправильными. Не просто светом – траекториями. Линиями, показывающими путь фотонов от окна до пола. Элиза видела их краем зрения, и от этого головная боль становилась сильнее.

Она заставила себя сесть. Комната кружилась – или она кружилась в комнате, сложно было сказать. Тошнота подкатила к горлу, она сглотнула, пытаясь удержать контроль.

Что со мной происходит?

Элиза снова открыла глаза – медленно, осторожно. Комната выглядела нормально. Диван, стол, кофеварка. Знакомые предметы, знакомые формы. Но стоило сфокусироваться на чём-то одном, как периферийное зрение начинало схо-

дить с ума.

Стул у стола. Обычный стул. Но рядом с ним – тень, которая была не совсем тенью. След. Призрак движения. Как будто она видела не только текущее положение стула, но и все его прошлые положения за последние… сколько? Часы? Дни?

Элиза потёрла глаза. Эффект не исчез.

Мир слоился.

Она заставила себя встать и дойти до ванной. Каждый шаг давался с трудом – не потому что ноги не слушались, а потому что мозг захлёбывался информацией. Слишком много линий. Слишком много траекторий. Слишком много слоёв реальности, наложенных друг на друга.

В ванной она включила свет – и тут же выключила. Лампа над зеркалом превратила маленькую комнату в калейдоскоп: отражения отражений, траектории света, уходящие в бесконечность. Невозможно смотреть.

Она умылась в темноте, на ощупь. Холодная вода помогла – немного. Головная боль отступила от невыносимой до просто сильной.

Когда она вернулась в операционный центр, было уже около девяти утра. Солнце поднялось выше, тени стали короче, и это почему-то помогало. Короткие тени означали меньше траекторий, меньше призрачных следов. Мозг справлялся.

Элиза села перед выключенными мониторами и попыталась думать.

Тридцать секунд.

Она смотрела на визуализацию тридцать секунд – и вот результат. Изменённое восприятие. Галлюцинации? Нет, не галлюцинации. То, что она видела, было слишком… системным. Слишком упорядоченным. Галлюцинации хаотичны, непредсказуемы. А это – паттерн. Логика. Новый способ обработки визуальной информации.

Но откуда?

Элиза закрыла глаза и попыталась восстановить цепочку событий. Тринадцатый блок данных. «Контекстуальный пакет». Визуализация, которую она изучала. Фрактальные спирали, цвета, ритм. Она смотрела на них – и не могла отвести глаз. Тридцать секунд, которые показались вечностью.

Что произошло за эти тридцать секунд?

Она знала ответ – теоретически. Нейропластичность. Способность мозга перестраивать связи в ответ на новые стимулы. Но обычная нейропластичность не работает за тридцать секунд. Обычная нейропластичность требует месяцев, лет. Практики, повторения, закрепления.

Значит, это не обычная нейропластичность.

Значит, визуализация – не просто красивая картинка.

Элиза открыла глаза и посмотрела на выключенный мо-

нитор. Чёрный экран, в котором смутно отражалось её лицо. Она выглядела… нормально. Те же короткие волосы, те же тёмные глаза. Никаких внешних изменений.

Все изменения – внутри.

Она включила компьютер.

Это было рискованно – она знала. Если визуализация запустится автоматически, если она снова попадёт в этот странный транс… но она должна была понять. Должна была знать, что с ней происходит.

Система загрузилась. Рабочий стол. Иконки. Никаких автозапусков. Элиза выдохнула с облегчением, которого не заслуживала.

Она открыла файлы – не визуализацию, только данные. Числа, графики, статистику. Безопасная территория. Мозг справлялся с цифрами; они не слоились, не рисовали призрачные траектории.

Тринадцатый блок.

Она начала изучать его структуру – не визуально, а математически. Числовые ряды, частотные характеристики, паттерны повторений. И чем глубже она погружалась в данные, тем яснее становилась картина.

Это не было случайностью.

Визуальные паттерны в тринадцатом блоке были специально подобраны. Частота мерцания: 4-8 герц – тета-диапа-

зон, связанный с изменёнными состояниями сознания. Цветовые переходы: оптимизированы для максимальной активации зрительной коры. Фрактальная структура: самоподобие на всех масштабах, захватывающее внимание и не позволяющее отвести взгляд.

Они знали, как работает человеческий мозг.

Конечно, знали. Они отправили послание 2.5 миллиона лет назад, зная, где будет Земля. Они закодировали координаты обсерватории, которой тогда не существовало. Почему бы им не знать нейробиологию существ, которые будут это послание расшифровывать?

Элиза откинулась на спинку кресла, глядя в потолок. Головная боль отступала – медленно, неохотно, но отступала.

Они не просто общались.

Они изменяли.

Она начала формулировать теорию – так, как делала это всю жизнь. Разложить по полочкам. Найти логику. Понять механизм.

Послание состояло из двух частей. Первая – информационная. Координаты, временны́е метки, спецификации. Это можно было расшифровать обычными методами, прочитать как текст на незнакомом языке.

Вторая часть – активационная. Тринадцатый блок и, вероятно, другие. Визуальные паттерны, предназначенные не для

чтения, а для воздействия. Послание, которое нельзя понять – можно только пережить.

Элиза вспомнила исследования, которые читала много лет назад. Стробоскопический эффект: мерцающий свет определённой частоты может вызывать изменённые состояния сознания, галлюцинации, даже эпилептические припадки. Бинауральные ритмы: звуковые паттерны, синхронизирующие активность полушарий мозга. Психоделические паттерны: фрактальные изображения, которые возникают при изменённых состояниях и которые, в свою очередь, могут эти состояния вызывать.

Но то, что она видела в тринадцатом блоке, было на порядки сложнее. Не просто мерцание – точно рассчитанная последовательность стимулов. Не просто фрактал – структура, оптимизированная для конкретного типа нейронной архитектуры. Человеческой архитектуры.

Три фазы, думала она. Процесс должен состоять из трёх фаз.

Фаза первая: сенсибилизация.

Первые секунды экспозиции. Тета-ритмы синхронизируют активность гиппокампа и префронтальной коры. Мозг входит в состояние повышенной пластичности – как во время REM-сна или глубокой медитации. Барьеры между нейронными ансамблями временно ослабевают. Мозг становится… открытым. Готовым к изменениям.

Фаза вторая: деструкция.

Следующий этап. Определённые визуальные паттерны вызывают локальную глутаматную эксайтотоксичность – избыточное возбуждение нейронов, ведущее к разрушению синаптических связей. Не случайное повреждение – целенаправленное. Паттерны нацелены на конкретные контуры, отвечающие за «базовое» восприятие пространства, времени, отношений между объектами. Старая прошивка стирается.

Фаза третья: реконструкция.

Параллельно с деструкцией активируется BDNF-зависимая пластичность. Brain-Derived Neurotrophic Factor – белок, критически важный для формирования новых синаптических связей. Новые контуры строятся по шаблону, закодированному в самом визуальном паттерне. Послание буквально строит новую нейронную архитектуру, используя механизмы мозга против него самого.

Это не обучение.

Это перепрошивка.

Элиза сидела неподвижно, глядя на экран с числами.

Тридцать секунд. За тридцать секунд она получила… что? Частичную перепрошивку? Начало процесса, который не завершился?

Она подняла руку и посмотрела на неё. Обычная рука. Пять пальцев, линии на ладони, короткие ногти. Но если сфокусироваться на ней слишком долго – начинались те же

эффекты. Траектории движения. Призрачные следы. Слои.

Сенсибилизация прошла. Деструкция – началась, но не завершилась. Реконструкция – частичная, фрагментарная. Новые контуры восприятия сформировались, но не полностью. Отсюда – эти странные эффекты. Мозг застрял посередине процесса.

Что будет, если процесс завершить?

Элиза не знала. Но понимала одно: её синестезия – преимущество.

Всю жизнь она видела числа как цвета, математические структуры как визуальные формы. Её мозг уже был адаптирован к нестандартному восприятию. Нейронные контуры, отвечающие за обработку информации, уже были… гибкими. Готовыми к изменениям.

Это объясняло, почему она не сошла с ума. Почему процесс не разрушил её – только начал перестраивать. Обычный мозг, возможно, не выдержал бы даже тридцати секунд. Её – выдержал.

Но это также означало другое.

Она предрасположена к изменению больше, чем большинство людей. Ещё одна экспозиция – и процесс пойдёт дальше. Глубже. Возможно – до точки невозврата.

Телефон.

Она должна была позвонить Вэйланду. Рассказать, что

произошло. Предупредить.

Но рука не тянулась к трубке.

Что она скажет? «Маркус, я случайно посмотрела на визуализацию слишком долго, и теперь вижу мир иначе»? Он решит, что она сошла с ума. Или – что она права, и тогда захочет испытать то же самое. С его опухолью, с его повреждённым мозгом – это убьёт его.

Но молчать тоже нельзя.

Элиза взяла телефон. Набрала номер. Ждала.

Вэйланд ответил после третьего гудка. Его голос был слабым – слабее, чем вчера, слабее с каждым днём.

– Элиза. Есть новости?

Она сделала глубокий вдох.

– Маркус, я должна вам кое-что рассказать. И это… это будет звучать странно.

Она рассказала всё.

Тринадцатый блок. Визуализация. Тридцать секунд, которые она не могла отвести глаз. Изменённое восприятие. Траектории, слои, призраки движения. Теория о трёх фазах – сенсибилизация, деструкция, реконструкция.

Вэйланд слушал молча. Когда она закончила, прошла долгая пауза.

– Вы уверены, что это не… галлюцинации? Недосып?

– Я уверена. – Элиза посмотрела на свою руку – и снова

увидела призрачные следы. – Это системно. Логично. Это не поломка – это… апгрейд. Незавершённый, но апгрейд.

– И вы думаете, что послание специально спроектировано, чтобы вызывать эти изменения?

– Да.

Молчание. Потом – звук, который мог быть смехом или кашлем.

– Эвелин видела то же самое, – сказал Вэйланд тихо. – Траектории. Связи. Геометрию под реальностью. Я думал – это опухоль. Распад мозга. Но если вы говорите, что визуализация вызывает те же эффекты…

– Возможно, опухоль случайно активировала те же нейронные контуры. – Элиза сама удивилась, как спокойно звучит её голос. – Повреждение мозга иногда создаёт новые связи. Неконтролируемая версия того, что послание делает целенаправленно.

– Неконтролируемая… – Вэйланд помолчал. – А ваша версия – контролируемая?

– Не знаю. Пока – не знаю.

– Что вы собираетесь делать?

Элиза закрыла глаза. Ответ был очевиден – и страшен.

– Продолжить.

– Вы понимаете, что это может быть необратимо?

– Понимаю.

– И всё равно хотите продолжить?

– Я не хочу. – Элиза открыла глаза и посмотрела на вы-

ключенный экран, за которым ждала визуализация. – Но я должна. Мы получили приглашение, Маркус. Первое в истории человечества приглашение к контакту с иным разумом. И оно требует… изменения. Чтобы понять их, нужно измениться. Иначе – мы просто читаем слова, не понимая смысла.

Молчание.

– Вы правы, – сказал Вэйланд наконец. Его голос стал твёрже, почти как раньше. – Вы должны продолжить. Вы – единственная, кто может это сделать. И мы оба знаем, что вы не остановитесь.

– Маркус…

– Я знаю вас, Элиза. Двенадцать лет назад вы потеряли всё ради теории, которую считали верной. Теперь теория подтверждается – и вы отступите? Скажете «нет, спасибо, я боюсь»?

Она не ответила. Он был прав.

– Если я не сделаю это, – сказала она медленно, – кто-то другой сделает. Рано или поздно визуализация попадёт в чужие руки. Кто-то посмотрит на неё без понимания, без подготовки. И результат…

– Будет хуже, – закончил Вэйланд. – Гораздо хуже.

– Да.

– Тогда – действуйте. – Он закашлялся, но продолжил: – Я доверяю вам, Элиза. Доверяю вашему разуму. Если кто-то и может пройти через это – то вы.

– А если я не пройду?

– Тогда… – пауза, – …тогда мы хотя бы будем знать, что пытались.

Он отключился.

Элиза положила телефон и уставилась на экран.

День тянулся бесконечно.

Она не могла работать – слишком много побочных эффектов. Каждый раз, когда она смотрела на данные, мозг начинал рисовать траектории, связи, паттерны, которых там не было. Или – были, но она не могла их видеть раньше?

Она пыталась отдохнуть – не получалось. Стоило закрыть глаза, как за веками начинали плясать спирали. Фрактальные узоры, въевшиеся в зрительную кору. Отголоски тридцати секунд, которые изменили всё.

К вечеру головная боль почти прошла. Странные эффекты восприятия… не исчезли, но стали привычнее. Мозг адаптировался – или просто смирился.

Элиза сидела в комнате отдыха, глядя на закат за окном. Солнце опускалось к горизонту, и она видела не только свет – видела гравитацию. Тонкие линии, связывающие светило с планетой, притяжение, искривляющее пространство. Красиво. Жутко.

Пятнадцать дней.

Через пятнадцать дней – слияние чёрных дыр. Точка рандеву. Момент, когда можно будет ответить на приглашение.

Но чтобы ответить, нужно понять. А чтобы понять – измениться.

Элиза встала и направилась в операционный центр.

Мониторы ждали её – чёрные, молчаливые. Она села в кресло и положила руки на клавиатуру. Пальцы дрожали – едва заметно, но дрожали.

Страх.

Она боялась. Впервые за долгие годы – по-настоящему боялась. Не смерти, не боли, не одиночества. Боялась измениться так, что перестанет быть собой.

Но разве она не менялась всю жизнь? Разве каждый новый опыт, каждое новое знание не перестраивало её мозг, не делало её кем-то другим? Разница была только в масштабе. И в скорости.

«Если я не сделаю это – кто-то другой сделает».

Она не лгала Вэйланду. Визуализация существовала. Данные существовали. Рано или поздно кто-то посмотрит на них достаточно долго – случайно или намеренно. И этот кто-то не будет знать, что его ждёт. Не будет иметь синестезии, которая смягчит удар. Не будет понимать механизма.

Элиза – понимала. Или думала, что понимает.

Она включила компьютер. Система загрузилась, на экране появился рабочий стол. Всё как обычно. Всё – в последний раз.

Она открыла папку с визуализациями. Тринадцатый блок – и другие, которые она ещё не изучала. Четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый. Rosetta нашла их за последние дни, но Элиза боялась смотреть. Теперь – не боялась. Или боялась, но это больше не имело значения.

Она выбрала полную визуализацию. Все блоки, объединённые в единую последовательность. Оптимальные параметры: фаза 0.7 радиана, частота обновления 6 герц, цветовая схема – автоматическая.

Палец завис над клавишей «Enter».

Элиза закрыла глаза.

Что она теряла? Свою личность? Своё восприятие мира? Свою человечность?

Или – только старую версию себя? Версию, которая видела мир плоским, статичным, лишённым связей? Версию, которая не понимала и не могла понять?

Может быть, то, что она считала «собой», было просто ограничением. Клеткой, в которой она сидела всю жизнь, не замечая решёток.

Она вспомнила Женеву. Смех в зале. Лица коллег, которые не верили и не хотели верить. Виктора, который молчал, когда должен был говорить.

Она была права. Всегда была права. И её уничтожили за это.

Теперь у неё был шанс доказать – не им, себе. Пройти до конца. Увидеть то, что они боялись видеть. Стать тем, кем они боялись стать.

Элиза открыла глаза и посмотрела на экран.

– Если я не сделаю это, – сказала она вслух, – кто-то другой сделает. Без понимания. Без подготовки. По крайней мере, я знаю, что меня ждёт.

Или думала, что знала.

Она нажала клавишу.

Экран вспыхнул.

Спирали развернулись из центра – золотые, синие, фиолетовые. Они вращались, пульсировали, складывались в узоры, которые казались знакомыми и чужими одновременно. Ритм мерцания – точно рассчитанный, захватывающий внимание.

В углу экрана появился таймер.

00:00:00

Секунды начали отсчёт.

00:00:01

Элиза почувствовала, как что-то меняется. Мир вокруг – операционный центр, мониторы, её собственное тело – отступил на второй план. Остались только спирали. Только цвета. Только ритм.

00:00:05

Тета-ритмы. Сенсибилизация. Она чувствовала это – как

будто дверь в её голове начала открываться. Медленно, неумолимо.

00:00:10

Она не могла отвести глаз. Не хотела. Спирали танцевали перед ней, и в их танце была красота, которой она не видела раньше. Красота, которую невозможно описать словами.

00:00:15

Головная боль вернулась – острая, пульсирующая. Но теперь она казалась… правильной. Как боль роста. Как боль прорезающихся зубов у ребёнка.

00:00:20

Деструкция. Старые связи рвались – она чувствовала это. Части её разума, которые она считала фундаментальными, растворялись, уступая место чему-то новому.

00:00:25

Страх вспыхнул – и погас. Слишком поздно для страха. Слишком поздно для чего-либо, кроме продолжения.

00:00:30

Она прошла точку своей первой экспозиции. Теперь – неизведанная территория.

Таймер продолжал отсчёт.

00:00:35

00:00:40

00:00:45

Спирали пульсировали, и Элиза пульсировала вместе с ними. Она больше не была зрителем – она была частью узо-

ра. Частью послания. Частью того, что они пытались сказать.

00:01:00

Одна минута.

Мир снаружи перестал существовать. Осталась только визуализация – бесконечная, прекрасная, ужасающая.

Осталась только трансформация.

Глава 9: Публикация

Обсерватория Атакама, Чили / Медицинский центр Cedars-Sinai, Лос-Анджелес. День 8.

00:00:30.

Спирали вращались.

Элиза смотрела на них, и они смотрели на неё – или так казалось. Золото перетекало в синеву, синева – в изумруд, изумруд – в фиолет. Цвета, которым она не знала названий. Формы, которые не существовали в обычной геометрии.

Головная боль пришла первой – острая, пронзительная, как игла за глазами. Она вскрикнула, но не отвела взгляд. Не могла. Спирали держали её, как магнит держит железо.

00:01:00.

Боль усилилась. Она чувствовала, как что-то рвётся внутри черепа – не физически, но… ментально? Связи, которые существовали всю жизнь, разрывались одна за другой. Старые паттерны мышления, привычные способы видеть мир – всё это растворялось в золотом свете спиралей.

Страх вспыхнул – древний, животный. Она умирала. Что-то в ней умирало.

00:02:00.

А потом – тишина.

Боль не исчезла, но отступила на задний план. Как будто кто-то выкрутил громкость. Элиза всё ещё чувствовала её –

далёкую, приглушённую – но она больше не имела значения.

Спирали продолжали вращаться.

И она начала видеть.

Больничная палата была белой.

Маркус Вэйланд лежал на кровати, опутанный проводами и трубками. Капельница медленно вливала в него яд, который должен был убить рак быстрее, чем рак убьёт его. Проигрышная гонка. Он знал это с самого начала.

За окном – Лос-Анджелес. Огни, машины, люди. Мир, который продолжал вертеться, не замечая, что один из его обитателей умирает.

Маркус смотрел на планшет в своих руках.

На экране – фрагменты визуализации. Те самые, которые Элиза прислала ему для анализа. «Безопасные», как она сказала. Отдельные паттерны, вырванные из контекста. Красивые картинки, не более.

Он смотрел на них уже час.

Ничего не происходило. Никаких изменений в восприятии, никаких странных эффектов. Его повреждённый мозг – изъеденный опухолью, отравленный химией – не реагировал на паттерны так, как реагировал мозг Элизы.

Это было несправедливо.

Эвелин видела. Перед смертью – видела что-то прекрасное, что-то, чего он никогда не сможет понять. Элиза тоже

увидит – сейчас, в эту самую минуту, в своей обсерватории на краю света. А он…

Он останется снаружи. Навсегда.

Маркус закрыл глаза. Усталость накатывала волнами – побочный эффект лечения, которое его не спасёт.

Но прежде чем уснуть…

Он открыл почтовое приложение. Написал короткое письмо – три строчки, адресованные его IT-директору. Код доступа к серверам. Протокол распространения.

«Запустить немедленно».

Палец завис над кнопкой «Отправить».

Элиза просила подождать. Говорила, что нужно больше исследований, больше понимания, больше осторожности. Она была права – наверное.

Но у него не было времени на «наверное».

Мир должен знать.

Он нажал кнопку.

00:05:00.

Элиза больше не видела экран.

Нет – она видела его, но он перестал быть границей. Спирали на мониторе были частью чего-то большего, чего-то, что простиралось за пределы комнаты, за пределы обсерватории, за пределы планеты.

Она видела линии.

Раньше – на периферии зрения, смутные, неуверенные. Теперь – везде. Яркие, чёткие, неоспоримые. Они тянулись от каждого атома к каждому другому атому, образуя сеть, которая охватывала всё.

Гравитация.

Она видела гравитацию.

Не как концепцию, не как формулу – как реальность. Притяжение между объектами, искривление пространства-времени, танец масс, который длился с начала Вселенной и будет длиться до её конца.

Стол перед ней – не просто стол. Скопление атомов, каждый из которых притягивает каждый другой. Микроскопические орбиты электронов вокруг ядер. Макроскопическая орбита стола вокруг центра Земли – да, он двигался, постоянно падал к центру планеты, но поверхность не давала ему упасть.

Всё падает. Всегда. Это и есть гравитация.

00:10:00.

Элиза попыталась встать – и не смогла. Её тело больше не подчинялось привычным командам. Мозг был слишком занят, перестраивая себя, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как движение.

Она сидела неподвижно, глядя на спирали, и мир вокруг неё менялся.

Стены обсерватории стали прозрачными – не буквально, но… она видела сквозь них. Видела структуру бетона, сеть

арматуры внутри, давление, которое здание оказывало на землю под собой. Видела, как фундамент погружается в породу – миллиметр за миллиметром, год за годом.

За стенами – пустыня. Камни, песок, древние горы на горизонте. Она видела их историю: как они поднялись из океана миллионы лет назад, как эрозия стачивала их вершины, как тектонические силы медленно, неумолимо двигали континенты.

Всё было связано. Всё влияло на всё.

00:15:00.

Она подняла голову – или ей показалось, что подняла – и посмотрела вверх.

Сквозь крышу. Сквозь атмосферу. В космос.

Луна висела над горизонтом – бледный диск, который она видела тысячи раз. Но теперь она видела не диск – видела массу. Семь с половиной на десять в двадцать второй степени килограммов камня и пыли, запертых на орбите вокруг Земли.

Она видела приливные силы. Гравитация Луны, тянущая океаны, создающая волны, которые обегают планету дважды в сутки. Она видела, как эти же силы замедляют вращение Земли – на долю секунды каждый год. Она видела, как Луна медленно удаляется – несколько сантиметров ежегодно, миллиарды лет танца.

И дальше – звёзды.

Не точки света. Массы. Каждая – с собственным грави-

тационным колодцем, собственной свитой планет, собственным влиянием на ткань пространства-времени.

Она видела галактику. Сотни миллиардов звёзд, вращающихся вокруг общего центра. Спиральные рукава – не просто узоры, а волны плотности, области, где звёзды сближаются и расходятся в вечном танце.

И дальше – другие галактики. Андромеда, откуда пришёл сигнал. Миллионы световых лет – но всё равно связанная с Млечным Путём, всё равно падающая к нему, всё равно часть одной системы.

Всё было орбитами.

Всё было танцем.

Всё было красиво.

Сервера Weyland Dynamics располагались в трёх дата-центрах: Калифорния, Ирландия, Сингапур. Избыточность. Надёжность. Глобальный охват.

Протокол распространения был написан два года назад – на случай, если Маркус найдёт что-то важное. Что-то, что мир должен узнать. Что-то, что нельзя было доверить одному правительству или одной корпорации.

Демократизация знания, называл он это. Критики называли иначе: безответственность, анархия, угроза национальной безопасности.

Маркусу было всё равно.

В 03:47 по тихоокеанскому времени протокол активировался.

Фрагменты визуализации – те самые «безопасные» картинки, которые Элиза прислала для анализа – начали распространяться. Сначала – на сайты, связанные с Weyland Dynamics. Научные форумы, блоги о космосе, сообщества любителей астрономии.

Потом – дальше. Ботнет, созданный для этой цели, начал публиковать ссылки в социальных сетях. Twitter, Facebook, Reddit, TikTok. Тысячи аккаунтов, миллионы подписчиков.

К 04:00 – сто тысяч загрузок.

К 05:00 – полмиллиона.

К рассвету – миллион.

Люди смотрели на спирали. Большинство – несколько секунд, пожимали плечами, листали дальше. Красивые картинки, ничего особенного.

Но некоторые – смотрели дольше.

00:25:00.

Элиза потеряла счёт времени.

Нет – она не потеряла его. Она видела время. Буквально. Как ещё одно измерение, вплетённое в ткань реальности. Прошлое, настоящее, будущее – не отдельные точки, а непрерывная линия. Траектория. Орбита.

Её собственная орбита – она видела её. Начиналась где-

то в прошлом – в Сан-Франциско, в детстве, в цветных снах о числах. Тянулась через годы – Калтех, Женева, Атакама. Уходила в будущее – но там всё было размытым, неопределённым. Слишком много переменных. Слишком много возможных путей.

Но одно она знала точно: её орбита изменилась. Сегодня. Сейчас. Что-то сдвинулось – гравитационный манёвр, переход на другую траекторию.

Она больше не будет прежней.

00:30:00.

Боль вернулась – волной, накрывшей с головой. Элиза закричала – или попыталась закричать, но голос не слушался. Тело корчилось в кресле, мышцы сокращались без её контроля.

Реконструкция. Третья фаза. Новые связи формировались там, где были разрушены старые. Аксоны протягивались к новым целям. Дендриты разветвлялись по незнакомым маршрутам. Её мозг переписывал себя – нейрон за нейроном, синапс за синапсом.

Это было агонией.

Это было экстазом.

Это было рождением.

00:35:00.

Боль отступила – так же внезапно, как началась. Элиза обмякла в кресле, тяжело дыша. Пот стекал по лицу, футболка прилипла к спине.

Она посмотрела на экран.

Спирали всё ещё вращались. Но теперь они выглядели иначе. Не как что-то внешнее – как часть её самой. Как отражение того, что теперь было внутри её головы.

Она понимала их.

Не интеллектуально – интуитивно. Паттерны, которые раньше казались абстрактными, теперь были очевидными, как родной язык. Она читала визуализацию, как читают книгу.

И то, что она читала…

Приглашение. Координаты. Время.

Инструкция, как ответить.

00:40:00.

Пять минут до конца.

Элиза смотрела на спирали и впитывала последние слои информации. Детали, которые раньше ускользали. Нюансы, которые требовали полной трансформации для понимания.

Они – те, кто отправил послание – были терпеливы. 2.5 миллиона лет ждали ответа. Ещё подождут – если нужно.

Но ответ был возможен. Сейчас. В ближайшие дни.

Координаты слияния. Пятнадцать дней.

Точка рандеву.

Если человечество хочет говорить – вот шанс. Единственный шанс – на тысячи лет вперёд.

00:45:00.

Спирали замедлились.

Цвета потускнели – золото стало латунью, синева – серой. Визуализация заканчивалась.

Элиза чувствовала это – как чувствуют конец музыки. Последние ноты, затихающее эхо.

00:47:00.

Экран погас.

Тишина.

Элиза сидела неподвижно, глядя в темноту. Тело болело – каждая мышца, каждый сустав. Голова пульсировала – не болью, а… чем-то другим. Новизной. Перенастройкой.

Она подняла руки и посмотрела на них.

И увидела.

Кровь текла по венам.

Элиза видела это – буквально. Не сосуды под кожей, а движение. Орбиты эритроцитов, несущих кислород от лёгких к тканям. Маленькие красные планеты, вращающиеся вокруг сердца-солнца.

Она повернула руку, и узор изменился. Кровоток ускорился в одних местах, замедлился в других. Гравитация – даже здесь, в таком маленьком масштабе.

Элиза встала.

Ноги держали – едва. Она пошатнулась, схватилась за стол. Комната вращалась – или она вращалась в комнате, сложно было сказать.

Но она видела.

Всё.

Стол – траектория в пространстве-времени. Стены – давление и напряжение. Пол – тонкая корка над бездной расплавленной породы.

И за пределами комнаты…

Она повернулась к окну. За стеклом – предрассветные сумерки. Звёзды бледнели, небо светлело на востоке.

Солнце.

Оно ещё не взошло, но она уже видела его. Не глазами – чем-то другим. Чувствовала его массу – два на десять в тридцатой килограммов раскалённого водорода. Чувствовала его притяжение – силу, которая держала Землю на орбите, не давала улететь в бездну.

Она видела солнечный ветер – поток частиц, омывающий планету. Видела магнитное поле Земли, отклоняющее смертельное излучение. Видела озоновый слой – тонкую плёнку, защищающую жизнь от ультрафиолета.

Столько хрупких барьеров между ней и смертью.

Столько случайностей, которые позволили ей существовать.

Элиза рассмеялась – тихо, почти истерически. Это было слишком. Слишком много информации, слишком много красоты, слишком много ужаса.

Но она выдержала.

Она прошла через это – и выжила.

Изменённая.

Но живая.

В 06:17 по тихоокеанскому времени Маркус Вэйланд проснулся.

Медсестра меняла капельницу. За окном – серое утро, обещание дождя. Обычный день. Последние обычные дни.

Он потянулся к планшету.

Уведомления – десятки. Сотни. Почта, мессенджеры, звонки. IT-директор, юристы, PR-отдел.

Маркус открыл статистику.

Загрузки визуализации: 3,247,891.

И цифра росла – прямо на глазах. Каждую секунду – тысячи новых.

Он откинулся на подушку и улыбнулся.

Сделано.

Элиза будет злиться. Возможно – ненавидеть его. Он опубликовал без её согласия, нарушил договорённости, подверг опасности… кого? Всех, кто посмотрит слишком долго?

Но она поймёт. Рано или поздно.

Знание не может принадлежать одному человеку. Или двум. Или правительству, или корпорации, или комитету экспертов. Знание – как вода. Оно находит путь. Просачивается сквозь любые барьеры.

Лучше – контролируемый поток, чем неконтролируемый

потоп.

Лучше – сейчас, когда ещё можно предупредить, объяснить, подготовить.

Лучше – от него, чем от тех, кто придёт потом. Правительственных агентов, ищущих оружие. Хакеров, ищущих сенсацию. Безумцев, ищущих конец света.

Маркус закрыл глаза.

Эвелин, подумал он. Ты была первой. Случайно, через болезнь – но первой. Теперь – другие пойдут по твоим следам. Намеренно. С открытыми глазами.

Это хорошо?

Он не знал. Но это было – неизбежно.

Элиза вышла на крышу.

Рассвет.

Солнце поднималось над горами – оранжевый диск на краю мира. Обычное зрелище. Она видела его тысячи раз.

Но не так.

Теперь она видела не диск – видела сферу. Массу раскалённой плазмы, в миллион раз больше Земли. Видела искривление пространства вокруг неё – как вмятину на ткани реальности. Видела свет – не просто лучи, а фотоны, путешествующие восемь минут от поверхности звезды до её глаз.

Она смотрела на Солнце – и не слепла. Её новое восприятие как-то фильтровало избыточную информацию, позволяя

видеть без вреда.

Ещё один дар. Или проклятие.

Элиза посмотрела на свою тень.

Она лежала на бетоне крыши – длинная, чёткая. Обычная тень.

Но теперь Элиза видела больше.

Она видела тень как траекторию. Не только здесь и сейчас – но там, где была минуту назад, час назад, вчера. Призрачные отпечатки, уходящие в прошлое. И – вперёд. В будущее. Размытые, неуверенные, но… видимые.

Её тень показывала, куда она пойдёт. Не точно – вероятности, возможности, развилки. Но направление было ясным.

К чему-то.

От чего-то.

Элиза стояла на крыше и смотрела на рассвет, и мир был новым, незнакомым, прекрасным, ужасающим – и её.

Телефон в кармане завибрировал.

Она достала его, не глядя. Знала, кто звонит – видела орбиту звонка, притяжение между двумя точками на планете.

– Маркус.

– Элиза. – Его голос был слабым, но в нём звучало что-то новое. Облегчение? Торжество? – Как вы себя чувствуете?

– Я…

Она замолчала. Как описать то, что произошло? Какими

словами объяснить человеку, который не видит – что значит видеть?

– Я изменилась, – сказала она наконец. – Необратимо.

– Это плохо?

Долгая пауза. Элиза смотрела на Солнце – массу, искривление, траекторию – и думала.

– Нет, – сказала она. – Не плохо. Просто… другое.

– Хорошо. – Он закашлялся – долго, надсадно. Когда заговорил снова, голос был ещё слабее. – Элиза, я должен вам кое-что сказать.

Она уже знала. Видела – в паттернах звонка, в напряжении его голоса, в орбите его слов.

– Вы опубликовали.

Молчание.

– Да, – сказал Вэйланд. – Простите.

– Без моего согласия.

– Да.

– Маркус…

– Мир должен знать. – В его голосе не было сожаления – только усталость и уверенность. – Вы понимаете это лучше, чем кто-либо. Знание не может принадлежать одному человеку.

– Эти паттерны опасны. Люди будут смотреть, не понимая, что происходит. Они…

– Фрагменты, – перебил он. – Я опубликовал только фрагменты. Без полного контекста. Несколько секунд визуализа-

ции – недостаточно для полной трансформации.

– Но достаточно для начала. Для сенсибилизации. Для…

Она замолчала.

Сколько людей уже посмотрели? Сколько – дольше, чем следовало? Сколько сейчас просыпаются с головной болью и странными тенями на периферии зрения?

– Сколько загрузок? – спросила она.

– Когда я смотрел последний раз – три миллиона. Сейчас – больше.

Три миллиона.

Элиза закрыла глаза. Даже так – она видела. Орбиты, траектории, связи. Мир, который больше не был тёмным.

Три миллиона человек смотрели на визуализацию. Большинство – несколько секунд, не больше. Но некоторые…

– Это была ошибка, – сказала она тихо.

– Может быть, – согласился Вэйланд. – Но она уже сделана. Теперь – нужно думать о последствиях.

– Каких последствиях?

– Люди будут хотеть больше. Полную визуализацию. Полную трансформацию. Некоторые – получат её, так или иначе. Вы не сможете остановить это, Элиза. Никто не сможет.

Она знала, что он прав. Информация – как вода. Просачивается сквозь любые барьеры.

– И что вы предлагаете?

– Возглавить процесс. – Его голос стал твёрже – на секунду он звучал как прежний Вэйланд, миллиардер, привыкший

командовать. – Вы – единственная, кто понимает, что происходит. Единственная, кто прошла через это и может объяснить другим. Станьте… проводником. Учителем. Тем, кто поможет человечеству сделать следующий шаг.

– Я не хочу быть учителем.

– Чего вы хотите?

Элиза открыла глаза. Солнце поднялось выше, тени стали короче. Она видела траекторию дня – как он будет разворачиваться, час за часом, до самого заката.

– Я хочу понять, – сказала она. – Почему они послали это. Что они хотят от нас. Что будет, когда мы ответим.

– Тогда – отвечайте. У вас есть пятнадцать дней. Координаты слияния.

– Четырнадцать, – поправила она. – Теперь – четырнадцать.

Молчание.

– Удачи, Элиза, – сказал Вэйланд. – И… простите. За то, что сделал. Но я не жалею.

Он отключился.

Элиза стояла на крыше, держа телефон в руке. На экране – счётчик загрузок, который Вэйланд прислал в сообщении.

4,127,445.

Она смотрела, как цифры растут.

4,128,000.

4,129,000.

4,130,000.

Миллионы людей. Миллионы глаз, смотрящих на спирали. Миллионы мозгов, которые – может быть, возможно, вероятно – начинали меняться.

Это было началом.

Или концом.

Или чем-то средним.

Элиза не знала. Но она знала одно: мир изменился. Этой ночью. Навсегда.

И обратной дороги не было.

41,130,287

Глава 10: Соня

Пало-Альто, Калифорния. День 9.

Утро началось как обычно.

Лена Мартинес проснулась в 6:15, за пятнадцать минут до будильника. Привычка, выработанная годами: тело знало расписание лучше, чем любые часы. Душ, кофе, проверка почты. Двадцать три новых письма – большинство от студентов, просящих отсрочку с курсовыми.

За окном – калифорнийское утро. Солнце, голубое небо, щебет птиц в саду. Типичный день в Пало-Альто. Типичный день в жизни профессора нейробиологии Стэнфордского университета.

Лена налила вторую чашку кофе и посмотрела на часы. 7:05. Соня должна проснуться через десять минут – если повезёт. Если не повезёт, придётся будить, а это всегда заканчивалось слезами и нытьём.

Восемь лет. Возраст, когда дети уже достаточно большие, чтобы иметь собственное мнение, но недостаточно – чтобы это мнение было разумным.

Лена улыбнулась, думая о дочери. Соня была светом её жизни – единственным, что осталось после Мигеля. Автокатастрофа забрала мужа, когда девочке было два года. Лена помнила тот звонок из больницы, помнила белые стены морга, помнила, как держала на руках ребёнка, который не по-

нимал, почему папа больше не придёт.

Шесть лет прошло. Боль притупилась, превратилась в тихую грусть, которая иногда накатывала по ночам. Но Соня была здесь. Соня росла, смеялась, задавала бесконечные вопросы. Соня делала жизнь стоящей.

Лена допила кофе и пошла будить дочь.

Комната Сони была розовой.

Розовые стены, розовые шторы, розовое покрывало с единорогами. Лена никогда не понимала этой одержимости цветом, но Соня настаивала, и спорить было бесполезно.

Кровать была пуста.

Лена нахмурилась. Соня редко вставала сама – только если что-то её очень интересовало. Мультики, обычно. Или новая игра на планшете.

Она спустилась на первый этаж.

Соня сидела на диване в гостиной, скрестив ноги. Планшет лежал на коленях. Она смотрела на экран, не двигаясь, – даже не моргая, как показалось Лене.

– Солнышко? Ты давно встала?

Соня не ответила.

Лена подошла ближе. На экране планшета – что-то яркое, вращающееся. Спирали? Мандалы? Она не могла разобрать с такого расстояния.

– Соня?

Девочка не реагировала. Её глаза были прикованы к экрану, лицо – неподвижно. Как статуя. Как кукла.

Лена почувствовала первый укол тревоги.

– Соня!

Она коснулась плеча дочери. Соня вздрогнула – слегка, едва заметно – но не отвела взгляд от экрана.

– Мама, – сказала она. Голос был странным. Отстранённым. – Мама, что это?

Лена посмотрела на планшет.

Спирали. Золотые и синие, вращающиеся, пульсирующие. Красивые – в этом нельзя было отказать. Гипнотические.

– Где ты это нашла?

– Оно само открылось. – Соня всё ещё смотрела на экран. – Красиво, правда?

Лена взяла планшет из рук дочери. Соня не сопротивлялась, но и не помогала – просто позволила забрать устройство, как будто оно больше не имело значения.

На экране – какой-то сайт. Визуализация данных? Художественный проект? Лена не могла определить. Она закрыла вкладку и проверила историю браузера.

Первое открытие: 7:12.

Она посмотрела на часы на стене.

7:49.

Тридцать семь минут.

Соня смотрела на это тридцать семь минут.

– Солнышко? – Лена опустилась на колени перед дочерью, заглянула в лицо. – Посмотри на меня.

Соня повернула голову. Медленно. Как будто движение требовало усилия.

Лена увидела её глаза – и сердце сжалось.

Зрачки были расширены. Не критично, но заметно. Больше, чем должны быть при таком освещении. И в них было что-то… странное. Глубина, которой раньше не было. Как будто Соня смотрела не на мать, а сквозь неё.

– Мама. – Соня улыбнулась. Но улыбка была неправильной – слишком спокойной, слишком взрослой для восьмилетнего ребёнка. – Мама, почему ты такая медленная?

– Что?

– Ты двигаешься медленно. Говоришь медленно. Как будто… – Соня нахмурилась, подбирая слова. – Как будто ты в воде.

Лена почувствовала, как волосы встают дыбом на затылке.

– Соня, ты в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да. – Улыбка стала шире. – Я чувствую себя… ясно. Очень ясно.

Лена схватила планшет и швырнула его на диван – подальше от дочери. Соня проводила его взглядом, потом моргнула – раз, другой – и вдруг что-то изменилось.

Глубина в глазах исчезла. Улыбка стала обычной – детской, немного растерянной.

– Мама? – Голос Сони был нормальным. Удивлённым. –

Что случилось? Почему ты такая… – Она не закончила.

Лена обняла дочь – крепко, почти больно.

– Всё хорошо, солнышко. Всё хорошо.

Но она знала, что это ложь.

Следующий час был хаосом.

Лена отменила лекцию – впервые за три года. Позвонила педиатру, описала симптомы. Доктор Патель слушала внимательно, задавала вопросы, потом сказала то, что Лена боялась услышать:

– Привезите её в клинику. Сейчас.

Соня казалась нормальной – почти. Она завтракала, болтала о школе, жаловалась, что хочет досмотреть мультик. Обычный ребёнок. Обычное утро.

Но иногда – на секунду, на долю секунды – Лена ловила этот взгляд. Глубокий. Странный. Как будто Соня смотрела на что-то невидимое.

В машине по дороге в клинику Лена проверила новости.

То, что она увидела, заставило её съехать на обочину.

«ЗАГАДОЧНЫЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ В СЕТИ».

«ВРАЧИ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ: НЕ СМОТРИТЕ НА СПИРАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ».

«СОТНИ СЛУЧАЕВ СТРАННЫХ СИМПТОМОВ ПОСЛЕ ПРОСМОТРА ВИРУСНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ».

Лена читала статью за статьёй, и ужас нарастал с каждой строчкой.

Визуализации появились вчера ночью – на тысячах сайтов одновременно. Источник неизвестен. Предположительно – утечка из частной исследовательской компании. Люди смотрели на них из любопытства – красивые картинки, ничего опасного.

А потом начались звонки в скорую.

Головные боли. Дезориентация. «Изменённое восприятие» – так это называли в статьях. Сотни случаев по всему миру. Тысячи – если считать тех, кто не обратился к врачам.

Дети были особенно уязвимы. Их мозг – более пластичный, более открытый к изменениям.

Тридцать семь минут.

Соня смотрела на визуализацию тридцать семь минут.

Лена посмотрела в зеркало заднего вида. Соня сидела на заднем сиденье, глядя в окно. Обычная девочка. Её дочь.

Но что происходило в её голове?

Стэнфордская детская больница была знакома Лене – она читала здесь лекции для ординаторов, консультировала по сложным неврологическим случаям. Теперь она сидела в приёмной как обычная мать, заполняя бесконечные формы.

Соню увели на обследование.

МРТ. ЭЭГ. Анализы крови. Нейропсихологические те-

сты. Стандартный протокол при подозрении на неврологические нарушения.

Лена ждала.

Час. Два. Три.

Она читала всё, что могла найти о визуализациях. Научных статей не было – слишком рано, феномен появился меньше суток назад. Только новости, блоги, паникёрские посты в социальных сетях.

Некоторые называли это «нейроатакой». Другие – «массовой галлюцинацией». Третьи – «следующим шагом эволюции».

Никто не знал правды.

Лена знала одно: её дочь смотрела на эти паттерны тридцать семь минут. И что-то изменилось.

– Доктор Мартинес?

Лена подняла голову. Перед ней стоял невролог – доктор Чен, немолодой китаец с усталыми глазами.

– Как она?

– Физически – в норме. – Он сел рядом, открыл папку с результатами. – МРТ чистое. Никаких аномалий, опухолей, кровоизлияний. ЭЭГ показывает… интересную картину, но ничего патологического. Активность в норме, просто… – Он замолчал.

– Что?

– Паттерны немного необычные. Повышенная синхронизация между областями, которые обычно работают независимо. Но это может быть индивидуальной особенностью. Мы не видим ничего, что требовало бы вмешательства.

Лена почувствовала облегчение – и одновременно разочарование. Она хотела найти причину. Хотела, чтобы была проблема, которую можно решить.

– Она вела себя странно, – сказала Лена. – Говорила вещи, которые… которые восьмилетний ребёнок не должен говорить.

– Какие вещи?

– Что я двигаюсь медленно. Что видит «ясно». – Лена покачала головой. – Это не похоже на мою дочь.

Доктор Чен кивнул.

– Мы наблюдаем похожие случаи по всей стране. Дети, которые смотрели на эти… визуализации. Многие – без каких-либо последствий. Некоторые – с временными изменениями восприятия. Большинство – возвращаются к норме через несколько часов.

– Большинство?

Он не ответил на вопрос.

– Мы хотим оставить Соню на ночь. Для наблюдения. Если всё будет в порядке – завтра сможете забрать её домой.

Лена кивнула. Что ещё она могла сделать?

Палата была маленькой, но уютной – насколько больничная палата может быть уютной. Соня лежала на кровати, подключённая к мониторам. Датчики на висках отслеживали активность мозга, датчик на пальце – пульс и насыщение крови кислородом.

Лена сидела рядом, держа дочь за руку.

– Мама, – сказала Соня. Её голос был обычным, детским. – Я могу пойти домой?

– Завтра, солнышко. Врачи хотят убедиться, что ты в порядке.

– Я в порядке. – Соня нахмурилась. – Почему все думают, что со мной что-то не так?

Лена не знала, как ответить.

– Ты смотрела на странные картинки очень долго. Мы просто хотим убедиться, что это не повредило тебе.

– Повредило? – Соня выглядела искренне удивлённой. – Мама, они не вредят. Они… – Она замолчала, подбирая слова. – Они показывают.

– Что показывают?

– Всё. – Соня улыбнулась – обычной детской улыбкой. – Но я не знаю, как объяснить. Это как… как если бы ты всегда видела только чёрно-белое, а потом вдруг увидела цвета. Понимаешь?

Лена не понимала. Но кивнула.

– Попробуй поспать, солнышко. Уже поздно.

Соня закрыла глаза. Через несколько минут её дыхание

стало ровным, глубоким.

Лена смотрела на дочь – на её лицо, такое знакомое и любимое – и пыталась понять, что изменилось.

Она задремала около полуночи.

Сны были странными – спирали, вращающиеся в темноте, голоса, говорящие на языке, который она почти понимала. Лена просыпалась снова и снова, проверяла Соню, убеждалась, что всё в порядке, снова проваливалась в тревожный сон.

В три часа ночи она проснулась от ощущения взгляда.

Соня сидела на кровати. Глаза открыты, смотрят прямо на Лену.

– Соня? – Лена выпрямилась в кресле. – Ты в порядке?

– Мама. – Голос Сони был другим. Не детским – и не взрослым. Чем-то… средним. – Мама, не плачь.

Лена не плакала. Или плакала? Она коснулась лица – щёки были мокрыми.

– Я не…

– Ты плачешь во сне, – сказала Соня. – Я вижу. Твоя… – Она замолчала, нахмурилась. – Я не знаю слова. Твоё внутреннее – оно грустное. Очень грустное.

Лена встала, подошла к кровати. Глаза Сони – те же карие глаза, которые она любила всю жизнь – смотрели на неё. Но в них была глубина, которой раньше не было.

– Солнышко, что ты видишь?

– Красиво, – сказала Соня. – Я вижу красиво. Линии. Они везде. От тебя ко мне, от меня к стене, от стены к небу. Всё связано. Всё… – Она снова замолчала. – Танцует. Всё танцует, мама. Медленно-медленно, но танцует.

Лена почувствовала, как по спине бегут мурашки.

– Это… это из-за картинок? Тех, что ты смотрела?

– Они открыли дверь. – Соня говорила спокойно, уверенно. – Раньше дверь была закрыта. Теперь – открыта. Немножко. Не до конца, но… – Она улыбнулась. – Я вижу сквозь щёлочку.

– Что ты видишь?

– Всё. – Соня протянула руку и коснулась лица Лены. Маленькая ладошка – тёплая, знакомая. – Ты тоже можешь, мама. Если захочешь. Можешь открыть свою дверь.

Лена не знала, что сказать. Её дочь – её восьмилетняя дочь – говорила вещи, которые звучали как… как что? Бред? Откровение? Что-то среднее?

– Соня, ты… ты понимаешь, что говоришь?

Соня моргнула. Раз. Другой.

И что-то изменилось.

Глубина в глазах исчезла – так же внезапно, как появилась. Соня снова была обычным ребёнком – восьмилетней девочкой в больничной палате, уставшей и немного напуганной.

– Мама? – Голос был детским, немного сонным. – Почему

ты не спишь? Который час?

– Поздно, солнышко. – Лена глотала слёзы. – Ложись. Спи.

– Мне снилось что-то странное, – сказала Соня, укладываясь. – Не помню что. Что-то… яркое.

Через минуту она снова спала.

Лена сидела у кровати, глядя на дочь, и думала.

Что произошло? Что за «дверь» открылась в голове её ребёнка? И можно ли её закрыть?

Она не знала. Никто не знал.

Но одно было ясно: мир изменился. И её дочь – каким-то образом – была частью этого изменения.

Рассвет принёс новые новости.

Лена читала их на телефоне, пока Соня спала. Визуализации распространялись быстрее, чем их успевали блокировать. Миллионы загрузок. Тысячи случаев «изменённого восприятия». Десятки госпитализаций – люди с серьёзными неврологическими симптомами, кататония, судороги.

И – первые смерти.

Три человека в Европе. Пожилые, с хроническими заболеваниями. Но всё равно – смерти.

Правительства начинали реагировать. ФБР расследовало источник утечки. CDC выпустил предупреждение. Интернет-платформы блокировали визуализации – но копии про-

должали появляться, как головы гидры.

И посреди этого хаоса – одно имя.

Элиза Чэнь.

Астрофизик, работавшая в частной обсерватории в Чили. Автор «псевдонаучной» теории о гравитационной коммуникации. Человек, который – согласно утечкам – первым обнаружил сигнал, из которого были получены визуализации.

Лена знала это имя.

Десять лет назад она писала рецензию на статью Чэнь – уничтожающую рецензию, которая стала одним из гвоздей в гроб её карьеры. «Апофения в космических масштабах», называла это Лена. «Классический случай того, как талантливый учёный принимает желаемое за действительное».

Теперь…

Теперь её дочь лежала в больнице, потому что смотрела на визуализацию, созданную на основе данных Элизы Чэнь.

Лена чувствовала странную смесь вины и гнева. Если Чэнь была права – значит, Лена ошибалась. Значит, она была одной из тех, кто уничтожил карьеру человека, говорившего правду.

Но если Чэнь была права – значит, она создала что-то опасное. Что-то, что навредило Соне и тысячам других людей.

Как это совместить?

Соня проснулась около восьми.

Она казалась нормальной – обычный ребёнок, немного капризный из-за незнакомой обстановки. Хотела домой, хотела завтрак, хотела свои игрушки.

Но иногда – на секунду – Лена ловила тот взгляд. Глубокий, странный. Как будто Соня смотрела на что-то, чего никто больше не видел.

Врачи провели ещё одну серию тестов. Результаты – те же: никаких аномалий, никаких патологий. Соня была здорова – насколько можно определить стандартными методами.

«Необъяснимые изменения восприятия», написали в выписке. «Рекомендуется наблюдение».

К полудню они были дома.

Соня сидела в своей комнате, рисуя.

Лена стояла в дверях, наблюдая.

Раньше Соня рисовала типичные детские картинки: принцессы, единороги, их дом с садом. Теперь…

Спирали.

Листок за листком – спирали. Золотые и синие, закручивающиеся к центру или разворачивающиеся наружу. Соня рисовала их сосредоточенно, молча, не отвлекаясь на окружающий мир.

– Солнышко? – Лена подошла ближе. – Что ты рисуешь?

– То, что вижу, – сказала Соня, не поднимая головы. –

Когда закрываю глаза – вижу это. Хочу запомнить.

– Ты видишь это всё время?

– Не всё время. – Соня отложила карандаш и посмотрела на мать. Обычный взгляд, детский. – Иногда. Как будто телевизор, который включается и выключается.

Лена села рядом.

– Соня, ты… ты боишься?

Соня подумала.

– Нет, – сказала она наконец. – Почему я должна бояться? Это красиво.

– Но это ненормально. То, что с тобой происходит – это не то, как обычно работает мозг.

– Может быть. – Соня пожала плечами. – Но разве «обычно» значит «правильно»? Ты говорила, что большинство людей плохо понимают математику. Это не значит, что математики – ненормальные.

Лена открыла рот – и закрыла. Её восьмилетняя дочь только что использовала логический аргумент, который был… безупречным.

– Откуда ты это взяла?

– Не знаю. – Соня снова взяла карандаш. – Просто… понимаю. Теперь я много понимаю, мама. Вещи, которые раньше не понимала.

– Какие вещи?

– Почему ты грустишь, когда думаешь о папе. Почему птицы летают так, а не иначе. Почему Луна не падает на Зем-

лю. – Она рисовала, пока говорила. – Всё связано. Всё – часть одного большого… – Она замолчала, подбирая слово. – Танца. Большого танца.

Лена смотрела на дочь и не узнавала её.

Это была Соня – её девочка, её солнышко. Но одновременно – кто-то другой. Кто-то, кто видел мир иначе.

Кто-то, кто знал вещи, которые не должен был знать.

К вечеру Соня снова была обычным ребёнком.

Она смотрела мультики, просила сладкое, жаловалась на скучные уроки. Никаких странных разговоров, никаких спиралей, никаких глубоких взглядов.

Лена начала надеяться, что всё прошло. Что мозг дочери справился, восстановился, вернулся к норме.

Но ночью – снова.

Соня проснулась около двух. Лена услышала шаги в коридоре и нашла дочь у окна гостиной, смотрящую на небо.

– Солнышко?

Соня не обернулась.

– Они такие далеко, – сказала она. – Звёзды. Но они все связаны. Видишь линии?

Лена посмотрела в окно. Звёзды – обычные звёзды, точки света на чёрном небе.

– Я не вижу линий, солнышко.

– Потому что твоя дверь закрыта. – Соня повернулась. Её

глаза – те же, карие, любимые – были глубокими. Другими. – Но ты можешь открыть её, мама. Я могу показать как.

– Соня…

– Не бойся. – Соня подошла и взяла мать за руку. – Это не страшно. Это просто… больше. Больше, чем мы думали. Мир – больше.

Лена опустилась на колени, чтобы быть на уровне глаз дочери.

– Солнышко, я люблю тебя. Ты знаешь это?

– Знаю. – Соня улыбнулась. – Я вижу. Твоя любовь – как тёплая линия. От тебя ко мне. Всегда была.

Лена обняла дочь – крепко, отчаянно. Соня была тёплой, живой, настоящей. Её девочка. Её солнышко.

Но также – кем-то другим.

Кем-то, кто видел мир таким, каким Лена не могла его видеть.

Когда она наконец отпустила дочь, глаза Сони снова были обычными. Детскими. Сонными.

– Мама? Почему мы стоим у окна? Который час?

– Поздно, солнышко. Пойдём спать.

Она отвела Соню в кровать, укрыла, поцеловала в лоб.

– Мама? – Голос Сони был тихим, уже засыпающим.

– Да, солнышко?

– Не бойся. Я всё ещё я. Просто… немножко больше.

Через минуту она спала.

Лена сидела у её кровати, глядя на спящее лицо дочери,

и думала о том, что значит быть «немножко больше».

И о том, сможет ли она когда-нибудь понять.

Глава 11: Орбитальное зрение

Сантьяго, Чили. День 10.

Город обрушился на неё как удар.

Элиза вышла из такси на Авенида Либертадор и замерла, схватившись за фонарный столб. Мир вращался – не буквально, но почти. Слишком много движения. Слишком много массы. Слишком много траекторий, пересекающихся, сталкивающихся, расходящихся в бесконечном хаосе.

Она закрыла глаза, но это не помогло. Орбиты не исчезали – она чувствовала их, даже не видя. Гравитационный шум города: миллионы людей, миллионы машин, миллиарды тонн бетона и стекла, и всё это давило на ткань пространства-времени, создавая рябь, которую она теперь не могла игнорировать.

Два дня.

Два дня прошло с трансформации, и она до сих пор не научилась с этим жить.

В обсерватории было легче. Пустыня, тишина, одиночество. Минимум движения, минимум масс. Её новое восприятие справлялось – с трудом, но справлялось. Она могла работать, думать, планировать.

Но Вэйланд настоял. «Вам нужно выбраться оттуда. Встретиться с моими юристами. Обсудить следующие шаги». Он был прав – формально. Практически – она не была

уверена, что готова.

Элиза открыла глаза и заставила себя сделать шаг. Потом ещё один.

Мир не перестал вращаться. Но она научилась вращаться вместе с ним.

Первый час был агонией.

Она шла по улицам Сантьяго, и каждый встречный человек был для неё не человеком – траекторией. Линией в пространстве-времени, движущейся по собственной орбите.

Женщина с коляской. Элиза видела её – молодая мать, уставшая, с тёмными кругами под глазами. Но одновременно видела другое: орбиту. Стабильную, почти круговую. Дом – парк – магазин – дом. Рутина. Предсказуемость. Ребёнок в коляске изменил её траекторию – добавил массу в систему, сместил центр вращения. Теперь она вращалась вокруг него, а не вокруг себя.

Это было красиво. И это было ужасно.

Потому что Элиза не хотела видеть людей как функции. Не хотела знать их орбиты раньше, чем узнает их имена.

Но у неё не было выбора.

Мужчина у банкомата. Элиза остановилась, притворяясь, что изучает витрину магазина. На самом деле – смотрела на него. На его орбиту.

Нестабильная. Хаотичная. Эллипс, вытянутый до преде-

ла, готовый оборваться. Его траектория вела к чему-то тёмному – она не могла определить, к чему именно, но чувствовала. Отчаяние. Долги. Близкий коллапс.

Он снял деньги – немного, судя по количеству купюр – и пошёл прочь. Его плечи были опущены, походка – тяжёлой.

Элиза знала, что должна что-то сделать. Подойти. Спросить, всё ли в порядке. Предложить помощь.

Но что она скажет? «Извините, я вижу вашу гравитационную траекторию, и она говорит, что у вас серьёзные проблемы»?

Она отвернулась и пошла дальше.

Кафе на углу.

Элиза заказала кофе и села у окна. Ей нужен был перерыв – от движения, от орбит, от бесконечного потока информации.

Но даже здесь, в относительной тишине, она не могла отключиться.

За соседним столиком – пара. Мужчина и женщина, оба около тридцати. Они держались за руки, улыбались друг другу, говорили о чём-то, чего Элиза не слышала и не хотела слышать.

Но она видела.

Их орбиты переплетались. Не просто рядом – вместе. Общий центр масс, вокруг которого они вращались оба. Двой-

ная звезда, связанная гравитацией.

Любовь.

Элиза видела любовь как физическое явление. Притяжение между двумя массами, настолько сильное, что они больше не могли существовать отдельно. Их траектории изменились, слились, стали одной.

Это было прекрасно.

Это было невыносимо.

Потому что Элиза понимала: она больше никогда не сможет испытать это сама. Не так. Для неё любовь теперь будет не чувством – наблюдением. Не переживанием – анализом. Она будет видеть орбиты, а не людей. Траектории, а не лица.

Как можно любить кого-то, если ты видишь его как функцию?

Она отвернулась от пары и уставилась в чашку кофе.

Кофе остыл, но она не замечала.

Элиза достала блокнот – старый, бумажный, который таскала с собой ещё со времён постдока. В эпоху смартфонов и облачных хранилищ это было анахронизмом. Но сейчас – якорем.

Она открыла чистую страницу и начала писать.

«День 2 после полной экспозиции.

Нахожусь в Сантьяго. Первый выход в город. Первое серьёзное испытание нового восприятия.

Результаты: смешанные.

Наблюдение 1: Орбитальное зрение не отключается. Я могу фокусироваться на обычном восприятии, но это требует усилия. Как напрягать мышцу. Как только расслабляюсь – орбиты возвращаются.

Наблюдение 2: Эмоциональная реакция на орбиты – сильная. Я вижу любовь, отчаяние, страх – как физические явления. Это… перегружает.

Наблюдение 3: Начинаю терять индивидуальность восприятия. Люди становятся функциями. Их орбиты важнее, чем их лица. Это опасно. Необходимо сопротивляться.

Вопрос: как сохранить человечность, когда видишь мир нечеловеческими глазами?»

Она перечитала написанное.

Ответа не было.

Но сам факт, что она задала вопрос – что она записала его человеческими словами, на бумаге, рукой – уже был чем-то. Якорем. Связью с тем, кем она была.

Элиза закрыла блокнот и допила остывший кофе.

Улица Провиденсия.

Элиза шла без цели, позволяя городу нести её. Встреча с юристами была через два часа; до тех пор – свободное время, которое она не знала, как провести.

Раньше она любила города. Энергию толпы, разнообразие

лиц, случайные встречи и наблюдения. Теперь – боялась их. Не людей – того, что она видела в них.

Молодой человек с наушниками. Его орбита – стремительная, почти гиперболическая. Он не вращался вокруг чего-то – летел сквозь, не задерживаясь. Одинокий странник, не связанный ни с чем.

Пожилая женщина с сумкой на колёсиках. Её орбита – медленная, затухающая. Спираль, сужающаяся к центру. Она приближалась к чему-то – к концу? – и знала это. Элиза видела это знание в изгибе её траектории.

Группа школьников, вывалившихся из автобуса. Их орбиты – хаотичные, переплетающиеся, сталкивающиеся. Молодые системы, ещё не определившие свои траектории. Они менялись с каждым мгновением, реагируя друг на друга, на мир, на всё.

Элиза смотрела на них и чувствовала… что?

Не зависть – слишком сильное слово. Но что-то близкое. Тоску по тому, что потеряла. По способности видеть людей просто как людей, без орбит и траекторий.

Она остановилась у витрины книжного магазина.

В отражении – её лицо. Знакомое, но уже не совсем. Что-то изменилось во взгляде. Глубина, которой раньше не было. Или отстранённость – сложно сказать.

Элиза смотрела на своё отражение и думала о том, кем она стала.

«День 2. Продолжение.

Наблюдение 4: Я вижу себя иначе. Не просто изменённое восприятие – изменённое самовосприятие.

Раньше я была… чем? Учёным. Женщиной. Человеком. Эти категории имели смысл.

Теперь – не знаю.

Я всё ещё учёный – анализирую, наблюдаю, записываю. Всё ещё женщина – биологически, по крайней мере. Но человек?

Что значит быть человеком, когда видишь мир не так, как видят люди?

Группа Петрова – 12 человек. 4 трансформировались успешно. Они жили в закрытом посёлке 50 лет. Почему? Потому что не могли жить среди обычных людей? Или потому что обычные люди не могли принять их?

Вопрос: куда я теперь отношусь? К людям – или к чему-то другому?»

Парк Форесталь.

Элиза нашла скамейку в тени деревьев и села, закрыв глаза. Здесь было тише – меньше людей, меньше движения. Орбитальный шум стих до терпимого уровня.

Она пыталась медитировать – техника, которую освоила много лет назад, ещё в Калтехе. Сосредоточиться на дыха-

нии. Отпустить мысли. Найти покой.

Но покоя не было.

Каждый раз, когда она закрывала глаза, она видела траектории. Свою собственную – изломанную, изменившуюся. Траектории деревьев – медленные, корневые, уходящие в землю на метры. Траектории птиц – стремительные, эфемерные.

Всё двигалось. Всё вращалось. Даже камни под ногами – медленно, неощутимо, но вращались.

Земля вокруг Солнца. Солнце вокруг центра Галактики. Галактика – вокруг чего-то ещё большего.

Орбиты внутри орбит внутри орбит.

И она – часть этой бесконечной системы. Атом, вращающийся в молекуле, вращающейся в клетке, вращающейся в теле, вращающемся вокруг звезды.

Это должно было успокаивать. Осознание своего места во Вселенной. Понимание связи со всем.

Но Элиза не чувствовала связи. Чувствовала только расстояние.

Расстояние между ней и людьми, которые не видели того, что видела она.

Звук детского смеха.

Элиза открыла глаза. Недалеко от неё – детская площадка. Дети бегали, прыгали, качались на качелях. Обычная карти-

на. Обычный день в парке.

Но она видела больше.

Орбиты детей – яркие, непредсказуемые, полные энергии. Они не вращались по устоявшимся траекториям – они создавали новые с каждым мгновением. Каждый прыжок, каждый поворот – изменение курса, пертурбация, гравитационный манёвр.

Дети были… свободны. Их орбиты не застыли, как у взрослых. Они ещё могли стать чем угодно.

Элиза смотрела на них и думала о Соне – девочке из новостей, одной из тысяч экспонированных детей. Что она видела теперь? Как изменился её мир?

И – страшная мысль – станет ли она как эти дети, с орбитами, полными возможностей? Или её траектория застынет, как у взрослого, и она навсегда останется такой, какая есть?

Вопрос без ответа. Ещё один.

«День 2. Третья запись.

Наблюдение 5: Дети воспринимаются иначе. Их орбиты – пластичные, изменчивые. Взрослые – более… фиксированные.

Гипотеза: нейропластичность. Детский мозг легче адаптируется к новому восприятию. Взрослый – сопротивляется, создаёт жёсткие структуры.

Это объясняет, почему дети в новостях – в «промежуточ-

ном состоянии». Их мозг не завершил трансформацию, но и не отверг её. Они застряли между мирами.

Как Соня Мартинес. Восемь лет. Тридцать семь минут экспозиции. Теперь – «видит красиво».

Что она видит?

Вопрос: если я найду её – смогу ли понять? Или наши восприятия настолько разные, что мы не сможем даже сравнить?»

Два часа до встречи.

Элиза покинула парк и направилась к деловому центру. Небоскрёбы Сантьяго вырастали перед ней – стекло и бетон, устремлённые в небо.

Она видела их иначе теперь.

Не просто здания – массы. Тысячи тонн материи, давящие на землю, искривляющие пространство вокруг себя. Микроскопически, незаметно для обычных приборов – но она чувствовала это. Каждое здание было как маленькая звезда, притягивающая всё вокруг.

И люди внутри – тысячи людей, каждый со своей орбитой, каждый – часть системы.

Элиза остановилась у светофора и ждала зелёного сигнала вместе с толпой.

Рядом – женщина в деловом костюме, разговаривающая по телефону. Её орбита – напряжённая, стремительная. Она

куда-то торопилась, что-то решала, что-то делала. Типичная городская траектория.

С другой стороны – мужчина с собакой. Его орбита – спокойная, размеренная. Собака добавляла хаоса – тянула поводок, виляла хвостом, создавала возмущения.

И ребёнок.

Девочка лет восьми, держащая за руку мать. Элиза не обратила бы на неё внимания – одна из тысяч, одна из миллионов.

Но девочка смотрела на неё.

Прямо. Не отрываясь. С выражением, которое было слишком… знакомым.

Светофор переключился. Толпа двинулась вперёд. Элиза осталась стоять.

Девочка тоже осталась – вырвала руку у матери, остановилась посреди перехода.

– Ты тоже видишь, – сказала она.

Не вопрос. Утверждение.

Мать девочки обернулась, нахмурилась.

– Каталина, не убегай! – Она вернулась, схватила дочь за руку. – Простите, она…

– Мама, подожди. – Девочка смотрела на Элизу. Её глаза – карие, тёмные – были расширены. Зрачки больше, чем должны быть при таком освещении. – Она видит.

Мать нахмурилась сильнее.

– Что видит? Каталина, о чём ты?

– Линии. – Девочка улыбнулась. – Ты видишь линии, да? От всего ко всему. Как паутина.

Элиза почувствовала, как сердце сжимается.

– Да, – сказала она. – Я вижу.

Мать посмотрела на неё – настороженно, почти враждебно.

– Простите, но мы торопимся. Каталина, пойдём.

– Подождите. – Элиза сделала шаг вперёд. – Ваша дочь… она смотрела на визуализации? Те, что в интернете?

Лицо матери изменилось. Настороженность сменилась страхом.

– Откуда вы…

– Я учёный. – Элиза достала визитку – одну из немногих, что у неё остались. – Я изучаю этот феномен. Ваша дочь – одна из экспонированных.

– Она здорова. – Мать сжала руку Каталины. – Врачи сказали – никаких аномалий. Она просто… фантазирует. Дети фантазируют.

– Мама, я не фантазирую. – Каталина смотрела на мать тем же странным взглядом. – Я вижу. Она тоже видит. Спроси её.

Элиза опустилась на колени, чтобы быть на уровне глаз девочки.

– Каталина. Что ты видишь, когда смотришь на людей?

– Куда они идут. – Девочка говорила спокойно, уверенно. – Не сейчас – всегда. Откуда пришли, куда идут. Как… – Она замолчала, подбирая слова. – Как следы в песке. Только следы – везде. И вперёд тоже.

– Траектории, – сказала Элиза.

– Да! – Каталина просияла. – Так это называется? Траектории?

– Да. Так это называется.

Мать смотрела на них – на свою дочь и на незнакомую женщину – и в её глазах был ужас.

– Что происходит? Что эти картинки сделали с моим ребёнком?

Элиза встала.

– Они изменили её восприятие. Необратимо, насколько мы знаем. Она видит мир иначе теперь – видит связи, которые большинство людей не замечают.

– Но она… она нормальная? Она здорова?

– Физически – да. Её мозг работает правильно. Просто… по-другому.

Мать сжала губы.

– Это можно исправить?

Элиза посмотрела на Каталину. Девочка улыбалась – спокойной, взрослой улыбкой.

– Я не хочу исправлять, – сказала Каталина. – Мне нравится видеть.

Они разошлись у светофора.

Мать увела Каталину – быстро, почти бегом, как будто боялась заразиться. Девочка оглянулась на Элизу, помахала рукой.

Элиза стояла на тротуаре и смотрела им вслед.

Одна из тысяч. Одна из миллионов – может быть.

Сколько их теперь? Сколько детей смотрели на визуализации достаточно долго? Сколько взрослых? Сколько людей по всему миру просыпаются утром и видят мир, которого не видели вчера?

Она достала блокнот.

«День 2. Четвёртая запись.

Встретила экспонированную девочку. Каталина, около 8 лет. Сантьяго.

Она видит то же, что и я. Или похожее – сложно сказать без подробного разговора. Называет это «линии» и «следы». Описывает траектории – прошлые и будущие.

Её мать напугана. Хочет «исправить». Каталина – не хочет.

Вывод: их уже много. И будет больше.

Вопрос: что это значит? Для человечества. Для тех, кто изменился. Для тех, кто не изменился.

Мы становимся… чем? Новым видом? Подвидом? Мутантами?

Или просто – людьми, которые видят чуть больше?»

Встреча с юристами прошла как в тумане.

Элиза сидела в конференц-зале на сороковом этаже, смотрела на людей в костюмах, слушала слова, которые едва воспринимала.

Права на данные. Патенты. Ответственность за распространение. Потенциальные иски от пострадавших.

Всё это казалось… мелким. Человеческие игры, человеческие правила. Они не понимали масштаба. Не могли понять.

Через стеклянную стену конференц-зала Элиза видела город. Сантьяго расстилался внизу – миллионы огней, миллионы орбит. Каждый огонёк – человек. Каждый человек – траектория. Бесконечная система, вращающаяся вокруг невидимого центра.

Она видела, как город дышит. Пульсирует. Живёт.

И понимала: это только начало.

Визуализации распространялись. Люди смотрели. Менялись. Каталина была одной из многих. Скоро – будут сотни. Тысячи. Миллионы.

Мир никогда не будет прежним.

– Доктор Чэнь? – Голос юриста вернул её к реальности. – Вы согласны с этими условиями?

Элиза посмотрела на документы перед собой. Буквы, слова, параграфы. Человеческий язык, человеческие договорён-

ности.

– Да, – сказала она. – Согласна.

Она подписала, не читая. Какая разница?

Вечер.

Элиза сидела в номере отеля – дорогом, оплаченном Вэйландом – и смотрела на город за окном.

Она была истощена. Не физически – ментально. День среди орбит, день среди людей-траекторий. Каждая секунда – перегрузка информацией. Каждый взгляд – анализ, интерпретация, понимание.

Но сон не шёл.

Она достала блокнот. Перечитала записи дня. Четыре страницы – больше, чем она писала за месяц в обсерватории.

«День 2. Итоги.

Я могу функционировать в городе. С трудом, но могу. Это… обнадёживает? Или просто означает, что я научилась притворяться нормальной?

Не знаю.

Экспонированных – много. Больше, чем я думала. Каталина – случайная встреча, одна из тысяч. Сколько ещё таких детей? Сколько взрослых?

Мы – новое явление. Феномен. Проблема, которую нужно решать. Или – ресурс, который нужно использовать.

Правительства захотят контролировать. Корпорации –

монетизировать. Религии – объяснять. Все захотят чего-то от нас.

А мы?

Что хотим мы?

Я хочу… понять. Узнать, кто послал сигнал. Зачем. Что будет дальше.

Тринадцать дней до слияния. Тринадцать дней, чтобы найти способ ответить.

Если мы не ответим – приглашение истечёт. Следующий шанс – через тысячи лет.

Если ответим – что тогда?

Вопрос, на который нет ответа. Пока.»

Она закрыла блокнот и легла в кровать.

За окном – город. Миллионы огней, миллионы орбит. Бесконечный танец масс и траекторий.

Элиза закрыла глаза и попыталась заснуть.

Но орбиты не отпускали. Они вращались за её веками – медленно, неумолимо. Напоминая, что мир изменился.

Что она изменилась.

Что обратной дороги нет.

Элиза лежала в темноте и думала о Каталине. О её улыбке. О словах: «Мне нравится видеть».

Может быть, девочка была права.

Может быть, это было не проклятие.

Может быть – дар.

Но даже если так – это был дар, которого она не просила. Изменение, на которое не соглашалась. Трансформация, которая отняла у неё то, кем она была, и дала взамен что-то другое.

Что-то, чему она ещё не нашла названия.

Она заснула под утро – и ей снились орбиты.

Бесконечные, вечные, красивые.

И бесконечно, невыносимо одинокие.

Часть II: Экспозиция

Глава 12: Охота: Отрицание

Обсерватория Атакама, Чили. День 10.

Вертолёт завис над посадочной площадкой, и Дэниел впервые увидел обсерваторию.

Бетонный куб посреди пустыни. Антенны на крыше, направленные в небо под углами, которые показались ему странными – слишком случайными, слишком хаотичными. Ни одна не смотрела в ту же сторону, что другая. Как будто каждая слушала что-то своё.

Пилот – молчаливый чилиец с военной выправкой, предоставленный местной станцией ЦРУ – указал вниз:

– Садимся через минуту. Место законсервировано два дня назад. Никто не входил.

Дэниел кивнул. Два дня. Элиза Чэнь покинула обсерваторию за сорок восемь часов до его прибытия. Достаточно, чтобы замести следы. Недостаточно, чтобы замести все.

Он коснулся папки на коленях – тонкой, с красной маркировкой «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО». Внутри – досье. Элиза Мей Чэнь, сорок два года. Астрофизик. Бывший постдок Калтеха. Десять лет назад – скандал с публикацией, отзыв статьи, конец академической карьеры. Потом – тишина. А

потом – частная обсерватория в чилийской пустыне, финансируемая умирающим миллиардером.

Фотография на первой странице показывала женщину с тёмными волосами и внимательными глазами. Что-то в этих глазах беспокоило Дэниела, но он не мог понять, что именно.

Вертолёт коснулся земли. Дэниел отстегнул ремень, взял сумку и спрыгнул на бетон. Ветер пустыни ударил в лицо – сухой, горячий, несущий мелкую песчаную взвесь.

– Ждите здесь, – сказал он пилоту. – Я свяжусь, когда закончу.

Пилот кивнул. Лопасти продолжали вращаться – медленнее, но не останавливаясь. Готовность к немедленному взлёту. Стандартная процедура для операций в нестабильных зонах.

Хотя какая нестабильность здесь? Пустыня. Камни. Небо.

И обсерватория, в которой кто-то поймал сигнал, изменивший мир.

Дэниел направился к входу.

Дверь была не заперта. Это его насторожило – он ожидал электронных замков, систем безопасности, всего того, что полагалось объекту, финансируемому миллиардером. Вместо этого – обычная металлическая дверь с простым механическим запором.

Он толкнул её и вошёл внутрь.

Коридор. Бетонные стены, флуоресцентные лампы (одна мигала – раздражающий ритм, который он тут же отметил и

тут же заставил себя игнорировать). Двери по обе стороны – каждая с табличкой. «Серверная». «Лаборатория 1». «Лаборатория 2». «Комната отдыха».

Воздух пах пылью и чем-то ещё. Чем-то химическим. Не неприятно – просто… стерильно. Как в больнице.

Дэниел остановился посреди коридора и прислушался.

Тишина. Абсолютная, давящая, неестественная. Никакого гудения оборудования, никакого шума вентиляции. Обсерватория была мертва.

Он двинулся дальше.

Серверная оказалась первой на его пути. Дэниел открыл дверь и вошёл в комнату, заполненную стойками с оборудованием. Мониторы – тёмные. Индикаторы – погашены. Он нашёл главный терминал и попытался его включить.

Экран ожил, потребовал пароль.

Дэниел достал из сумки устройство – компактный взломщик, последняя разработка отдела технической поддержки. Подключил его к терминалу. На маленьком экране устройства побежали строки кода.

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ… ШИФРОВАНИЕ: AES-256 УРОВЕНЬ ЗАЩИТЫ: ВОЕННЫЙ ВРЕМЯ ВЗЛОМА: >72 ЧАСА

Дэниел выругался про себя. Семьдесят два часа – это если повезёт. Если не повезёт – недели. Элиза Чэнь знала, что делала.

Он отключил устройство и оставил его работать в пассив-

ном режиме – пусть собирает всё, что сможет. Главное сейчас – физические улики.

Лаборатория 1 была пуста. Столы, стулья, несколько выключенных мониторов. Ничего интересного.

Лаборатория 2 – то же самое. Чисто, стерильно, безжизненно.

Комната отдыха содержала диван, кофеварку и холодильник. Дэниел открыл холодильник – контейнеры с едой, некоторые уже покрытые плесенью. Две недели, судя по состоянию. Элиза Чэнь не планировала возвращаться.

Он нашёл её жилой блок в конце коридора.

Дверь была закрыта, но не заперта. Дэниел толкнул её и замер на пороге.

Комната была… обжитой. В отличие от стерильных лабораторий, здесь чувствовалась жизнь. Кровать, аккуратно застеленная. Книжная полка – научные монографии, несколько художественных романов (фантастика, в основном), потрёпанный том Борхеса на испанском. Стол у окна, заваленный бумагами.

Бумаги.

Дэниел подошёл к столу и начал перебирать документы. Распечатки данных, графики, таблицы. Всё это ничего ему не говорило – наборы цифр, аббревиатуры, которые он не понимал. Но среди технических документов нашлось кое-что другое.

Блокнот. Старый, бумажный, с потрёпанными краями.

Он открыл его – и замер.

Почерк. Мелкий, убористый, наклонённый влево. Но не почерк заставил его остановиться.

Спирали.

На полях каждой страницы – спирали. Небрежные, как будто нарисованные автоматически, без участия сознания. Маленькие завитки, иногда переходящие в стрелки, указывающие на какие-то слова, какие-то связи.

Так писала мать.

Дэниел помнил её блокноты. Десятки, сотни блокнотов, которые она хранила в коробках в подвале. Он нашёл их после похорон, когда разбирал её вещи. Открыл один наугад – и увидел то же самое. Спирали. Стрелки. Связи, которых он не понимал.

Он швырнул блокнот матери в мусорное ведро. Потом достал. Потом снова швырнул. В конце концов положил обратно в коробку и отвёз на свалку вместе с остальными её вещами.

Теперь он держал в руках блокнот Элизы Чэнь – и видел те же спирали.

Совпадение. Просто совпадение. Многие люди рисуют на полях. Спирали – распространённый паттерн. Это ничего не значит.

Он начал читать.

«День 7. Трансформация началась. Вижу тени там, где их быть не должно. Мир слоится. Это пугает и завораживает од-

новременно. Если бы я могла поговорить с кем-то, кто прошёл через это раньше… Байконур. Там должны быть ответы. Виктор знал. Он всегда знал».

Дэниел остановился на этом месте.

Байконур.

Он знал это название. Знал слишком хорошо.

Космодром Байконур – это то, что знали все. Советские ракеты, Гагарин, холодная война.

Но было ещё кое-что. Закрытый посёлок рядом с космодромом. ЗАТО Космос-7. Официально – жилой комплекс для персонала. Неофициально – место, о котором мать никогда не говорила, но которое иногда называла во сне.

Она говорила по-русски, когда спала. Дэниел не понимал большую часть слов, но «Байконур» понимал. И «дом». И «назад».

Она никогда не ездила назад. Даже после падения Союза, когда это стало возможно. Говорила – там ничего не осталось. Говорила – все, кого она знала, мертвы.

Дэниел ей не верил. Но никогда не спрашивал.

Теперь – это имя снова. В записях женщины, которую он преследовал. Женщины, которая поймала сигнал из другой галактики и исчезла.

Совпадение. Должно быть совпадение.

Он продолжил перелистывать страницы.

«День 8. Полная экспозиция. 47 минут. Это было… невозможно описать человеческими словами. Я видела орбиты.

Не как данные – как реальность. Каждый объект – траектория. Каждое движение – гравитационный манёвр. Мир – система. Я – часть системы».

Бред. Псевдонаучный бред. Слова человека, который слишком долго смотрел на красивые картинки и потерял связь с реальностью.

Но следующая запись заставила его вздрогнуть:

«Интересно: паттерны спиралей появляются автоматически. Я не контролирую руку, когда рисую их. Как будто что-то записывает себя через меня. Или – как будто я всегда это делала, но только теперь заметила».

Мать тоже не контролировала. Он помнил, как однажды застал её – она сидела за кухонным столом, рука двигалась по бумаге, но глаза смотрели в окно. Смотрели сквозь окно. Сквозь стену. Сквозь весь чёртов мир.

– Мама?

Она вздрогнула. Посмотрела на бумагу – как будто впервые увидела. На бумаге была спираль.

– Это ничего, – сказала она. – Просто… мысли.

Ему было двенадцать. Он знал, что это не просто мысли. Знал, что с матерью что-то не так. Но не знал – что.

Теперь – может быть – начинал понимать.

Дэниел перевернул страницу и увидел строку, подчёркнутую дважды:

«Виктор знал. Он всегда знал. Почему не сказал?»

Виктор.

Имя повторялось в записях снова и снова. Виктор Озеров. Бывший профессор Калтеха. Бывший научный руководитель Элизы Чэнь. Человек, который, согласно досье, уничтожил её карьеру десять лет назад.

И человек, который – судя по этим записям – знал что-то важное. Что-то, связанное с Байконуром.

Дэниел закрыл блокнот.

Ему нужно было сосредоточиться. Это задание. Просто задание. Найти учёную, получить данные, доложить начальству. Ничего личного.

Но записи Элизы Чэнь не давали ему покоя.

Он начал методично обыскивать комнату.

Под кроватью – чемодан. Пустой. Элиза взяла вещи, когда уезжала.

В ящике стола – старые квитанции, засохшие ручки, пачка чистой бумаги. Ничего полезного.

В шкафу – несколько футболок, джинсы, спортивная куртка. Она оставила повседневную одежду, но забрала… что? Документы? Оборудование?

На дне шкафа Дэниел нашёл коробку.

Картонная, без маркировки. Он открыл её – и увидел стопку распечаток.

Первый лист был датирован 1973 годом.

Советская документация. Гриф «СЕКРЕТНО» – выцветший, едва читаемый. Заголовок: «Отчёт о результатах наблюдений группы Петрова. Объект: аномальные орбиталь-

ные параметры малых тел Главного пояса астероидов».

Дэниел пролистал страницы. Таблицы данных, графики, формулы, которые он не понимал. Но один фрагмент был обведён красным карандашом – явно рукой Элизы:

«Вывод: наблюдаемые аномалии в орбитах семи объектов не могут быть объяснены известными физическими механизмами. Паттерн распределения аномалий соответствует спиральной структуре с периодом прецессии, совпадающим с орбитальным периодом Солнечной системы относительно центра Галактики. Рекомендуется продолжить наблюдения и рассмотреть гипотезу искусственного происхождения структуры».

1973 год. Полвека назад советские учёные обнаружили то же самое, что обнаружила Элиза Чэнь.

Или – почти то же самое.

Дэниел перевернул ещё несколько страниц и нашёл список имён.

Руководитель: д.ф.-м.н. Петров В.И. Участники:

к.ф.-м.н. Волкова М.С.

к.ф.-м.н. Озеров А.Т.

м.н.с. Соколов Д.В.

Озеров.

Он вернулся к досье на Виктора Озерова, которое привёз с собой. Открыл раздел биографии.

«Озеров, Виктор Алексеевич. Род. 1958, Ленинград. Отец: Озеров Алексей Тимофеевич, физик, сотрудник Ин-

ститута космических исследований. Умер в 1982 году. Место смерти: закрытый посёлок ЗАТО Космос-7, Казахская ССР».

Закрытый посёлок под Байконуром.

Тот же посёлок, из которого сбежала его мать.

Дэниел медленно положил документы на стол.

Связь была очевидной. Слишком очевидной. Отец Виктора Озерова работал в той же группе, которая обнаружила аномалию в 1973 году. Он умер в посёлке под Байконуром – в том самом посёлке, откуда была родом Анна Петрова.

Его мать.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом – пустыня. Камни, песок, бесконечное небо.

Это просто работа, сказал он себе. Просто работа. Найти Элизу Чэнь. Получить данные. Доложить начальству. Мать умерла три года назад. Байконур – место на карте. Совпадения – просто совпадения.

Но он знал, что это неправда.

С первого дня знал. С того момента, когда увидел ключевые слова в перехваченных коммуникациях: «сигнал», «структура», «визуализация». Что-то в этих словах отозвалось в нём – глубоко, на уровне, которого он не понимал.

Как будто он слышал их раньше.

Как будто кто-то уже пытался ему объяснить.

Защищённый канал связи активировался с коротким гудком. Дэниел достал из кармана устройство – компактный передатчик, работающий через спутниковую сеть АНБ.

– Кросс слушает.

– Статус? – Голос генерала Уоллеса был сухим, как пустыня за окном.

– Объект покинул локацию. По предварительной оценке – два дня назад. Изучаю материалы.

– Что нашли?

Дэниел посмотрел на разложенные документы. Блокнот с записями. Советские отчёты. Досье.

– Записи. Частично – личный дневник. Упоминания о научных контактах. Несколько имён для проверки.

– Конкретнее.

– Виктор Озеров. Бывший профессор Калтеха. Судя по записям – связан с объектом и, возможно, имеет информацию о… – Он помедлил, подбирая слова. – О предыстории феномена.

– Озеров уже в разработке, – сказал Уоллес. – Мы потеряли его три дня назад. Предположительно – вместе с объектом.

Вместе. Элиза Чэнь и Виктор Озеров. Два человека, связанных через десятилетия и континенты.

– Понял. Продолжаю осмотр.

– Ускорьтесь, Кросс. – В голосе Уоллеса появилась нотка, которую Дэниел не сразу идентифицировал. Не раздражение – что-то другое. Напряжение? Страх? – Визуализации распространяются. Уже тысячи пострадавших. CDC объявил эпидемиологическую тревогу. ВОЗ готовит заявление. Это

становится кризисом, и нам нужна Чэнь. Нужны её данные. Нужно всё, что может помочь остановить это.

– Остановить что именно, сэр?

Молчание.

– Вы не смотрели новости?

Дэниел не смотрел. Он летел в Чили, потом ехал по пустыне, потом изучал пустую обсерваторию. Новости были последним, о чём он думал.

– Нет, сэр.

– Тогда посмотрите. И ускорьтесь.

Канал отключился.

Дэниел достал телефон и открыл новостной сайт.

Первый заголовок: «ЗАГАДОЧНЫЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ: CDC ФИКСИРУЕТ ТЫСЯЧИ СЛУЧАЕВ».

Он начал читать.

«Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC) подтвердили более 15 000 случаев «синдрома визуального воздействия» – нового состояния, связанного с просмотром определённых изображений, распространяющихся в интернете.

Симптомы варьируются от лёгких (головокружение, дезориентация, изменённое восприятие) до тяжёлых (кататония, потеря речи, неспособность узнавать близких). По данным CDC, около 45% пострадавших требуют госпитализации.

Источник изображений до сих пор не установлен. По одной из версий, они были созданы при помощи генеративного ИИ. По другой – представляют собой визуализацию данных неизвестного происхождения.

Правительства нескольких стран, включая США, Китай и страны ЕС, заблокировали распространение визуализаций на основных платформах. Однако они продолжают появляться в альтернативных источниках…»

Дэниел пролистал дальше.

Фотографии: люди в больничных койках, с пустыми глазами. Графики: экспоненциальный рост числа пострадавших. Карты: красные точки, обозначающие очаги, разбросанные по всему миру.

И скриншоты.

Размытые, пикселизированные – редакции не рисковали публиковать изображения в полном качестве. Но даже так Дэниел видел: спирали. Цветные, пульсирующие, завораживающие.

Спирали, как на полях материнских блокнотов.

Спирали, как в записях Элизы Чэнь.

Он закрыл телефон.

Руки не дрожали. Он не позволял им дрожать. Контроль был всем, что у него было. Контроль и дисциплина. Научиться контролировать себя – первое, чему он научился после того, как понял, что мать никогда не будет нормальной.

Она смотрела сквозь него. Всегда. С самого детства.

Другие матери смотрели на своих детей – с любовью, с гордостью, с раздражением, с чем угодно. Его мать смотрела мимо. Как будто он был прозрачным. Как будто за ним было что-то более интересное, более важное, более реальное.

– Мама, посмотри на меня.

Ему было восемь. Или девять. Или десять – он не помнил точно. Но помнил её взгляд, когда она наконец повернулась.

– Я смотрю, Данечка.

– Нет. Ты смотришь сквозь меня.

Она моргнула. На мгновение – на долю секунды – её глаза сфокусировались на нём. По-настоящему. Он увидел себя в её зрачках: маленький мальчик с тёмными волосами и серьёзным лицом.

– Прости, – сказала она. – Я вижу слишком много тебя. Не могу выбрать одного.

Он не понял тогда. Не понимал до сих пор.

Но теперь, стоя в пустой обсерватории с записями Элизы Чэнь в руках, он начинал подозревать.

Мать видела что-то. Что-то, чего не видели другие. Что-то, что изменило её – давно, задолго до его рождения.

Что-то, связанное с Байконуром.

С посёлком, из которого она сбежала.

С людьми, которые там остались.

Дэниел вернулся к документам.

В коробке, помимо советских отчётов, лежали ещё несколько папок. Он начал их перебирать.

Медицинские записи. Имена на русском языке, даты – 1974, 1975, 1976. Диагнозы, которые он не понимал: «синдром изменённого восприятия», «диссоциативное расстройство оптико-гравитационного генеза», «хроническая кататония с сохранением когнитивных функций».

И снова – спирали. На полях медицинских карт, в графах «примечания», рядом с подписями врачей.

Как будто все, кто прикасался к этим документам, начинали рисовать спирали.

Дэниел отложил медицинские записи и взял последнюю папку.

Внутри – распечатка электронного письма. Недавняя – датирована тремя неделями ранее.

«Элиза,

Получил твоё сообщение. То, что ты описываешь – невозможно. Но я знаю, что это правда. Мой отец видел то же самое в 1973 году. Он никогда не рассказывал мне подробностей, но я нашёл его записи после смерти. Орбиты астероидов. Спиральные паттерны. Структура, которая не должна существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.